

Мария Иншина

ОМУТ

18+

Мария Иншина

Омут

<https://litres.ru/74078969>

SelfPub; 2026

Аннотация

От автора

Я не зарабатываю на этой книге: написала ее для себя, а продаю — ради других. Все средства от реализации «Омута» направляются в благотворительный фонд «Дом с маяком». Это мой способ быть полезной, и я приглашаю вас стать частью этого: купив книгу, вы помогаете детям. Я ничего не оставляю себе, только радость от того, что мы делаем это вместе.

О книге

У Жени есть всё: любящий муж, работа, уютный дом. Но внутри — странная пустота. Случайная встреча с прошлым пробуждает то, что она давно похоронила. Однажды она переступает черту, сама не понимая, где заканчивается безопасность и начинается пропасть. «Омут» — психологическая драма о том, как трудно удержаться на краю, когда тебя тянет вниз.

Содержание

31 августа 2024. Женя	4
1 апреля 2025, 07:25. Саша	16
2 сентября 2024. Женя	19
7 сентября 2024. Женя	40
1 апреля 2025, 07:57. Саша	59
11 сентября 2024. Женя	61
13 сентября 2024. Женя	76
1 апреля 2025, 08:44. Саша	97
17 октября 2024. Женя	100
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Мария Иншина

Омут

31 августа 2024. Женя

31 августа 2024. Женя

— Два года, — я даже бровью не повела – отрезала, как гильотина.

— Ну ты уж совсем в них не веришь, — муж глотнул шампанское, как воду после пробежки. — Я думаю, лет пять-семь вполне вероятно.

— Пока у нас счет 2-1 в твою пользу. Катя с Игорьком не протянули и год, хотя в этой своей «лошадке» я была уверена, как ни в ком другом.

Мы сидели в дальнем уголке современного свадебного пространства. Вокруг — дизайнерский рай: каждая салфетка на своём месте, каждый лепесток розы учтён сметой, цвета прекрасно сочетаются друг с другом и с счастливыми улыбками молодоженов. Всё настолько идеально, что даже немного подташнивает.

— В эту церемонию угрохано столько денег, что будет просто кошунством, если они не протянут хотя бы пять лет, — сказал Саша и протянул руку для заключения очередного пари на срок, отпущенный браку очередной пары наших

друзей.

— А для поздравления наших молодых приглашаются их друзья, Евгения и Александр! — слышу я слова ведущего, быстро поправляю прическу и платье, надеваю свою фирменную очаровательную улыбку и, взяв Сашку под руку, пробираюсь к сцене.

— Ребят, я не могу передать, как рада за вас и за то, что вы всех нас собрали в этом красивейшем месте, а сами сияете счастьем. Вы знаете, что мы с Сашей вместе уже почти десять лет и за это время построили настолько гармоничную и счастливую семью, что многие восхищаются нами, завидуют и спрашивают секрет. Что ж, сегодня в качестве подарка на вашу свадьбу я открою его. Хотя чего я тут навожу интриги? Нет никакого секрета. Любите друг друга искренне и честно, а больше ничего и не нужно. С любовью придет желание быть друг с другом каждую минуту, уступать в спорах и быть чуточку лучше каждый день. Поздравляем!

— Ну вот, моя жена, как всегда, сказала настолько хорошо, что мне остается добавить только «Горько»!

Мы обняли молодоженов под громкие овации, свет стал приглушенным, и заиграл медляк. Сашка терпеть не может танцевать, но после такого триумфального тоста у него не было шансов отвертеться. Я-то фанат покружиться под музыку, прижаться покрепче и пошептать на ушко всякую дребедень.

Трек закончился, заиграла старенькая веселая песня, и

все гости «сорок плюс» бросились в пляс. Снисходительно друг другу улыбнувшись и подхватив по бокалу, мы вышли на улицу. Пространство находилось на берегу реки, и мы, обнявшись и уставив глаза в южное ночное небо, стояли на небольшом причале.

Я задала вопрос, который давно крутился в голове:

— Когда мы успели стать такими циниками? И кто вообще нам дал право рассуждать о том, сколько продлится счастье небезразличных нам людей?

— Слушай, ну мы же не со злостью. Мы же на самом деле хорошие и пушистые. Это так, по фану. А вот что нам дало право, я тебе могу ответить. Мы можем давать прогнозы с высоты нашего счастья, потому что мы знаем, как должно быть на самом деле.

— «Все семьи счастливы одинаково», — протянула я.

— Достоевский?

— Позорище! Это Лев Толстой! Эх, а еще мужем учителя литературы называешься, — смеясь, ткнула я его в бок и незамедлительно поцеловала в шею.

— Да не важно, кто. Я вот с ним абсолютно согласен! Я знаю, как это — быть счастливым. Наша крепость стоит незыблемо. И если вижу, что у кого-то все идет по-другому, это сразу сигнал: долго не протянут. Поэтому я ничего циничного не вижу в том, чтобы сделать ожидание конца более азартным.

— Сашка, ты негодяй! Хотя и я не лучше, раз подхватила

твои дурацкие пари. Совсем меня испортил!

— Я тебя сделал более живой. А то раньше одни романы да рыцари на уме, целомудрие и любовь, как там ее называют. Которая ни-ни

— Платоническая.

— Вот-вот, она. И страдания по твоему прекрасному принцу.

— Ну ты и вспомнил. Сколько лет прошло! Я тогда в одиннадцатом классе училась и вполне имела право пережить первую несчастную любовь. Да и не принц он был вообще, а так — улыбнулась я, и холодок былого пробежал по спине.

— Ну чего вы тут тухните, там такая веселуха, — получила я неслабый хлопок по спине. Я, даже не оборачиваясь, поняла, что это Аринка, моя лучшая и единственная настоящая подруга.

— А ты чего одна? Неужели еще никого не подцепила? — Саша протянул свой бокал в ответ на предложение Арины чокнуться.

— За молодых! — крикнула она и выпила залпом. — Пока не определилась между дядей невесты и бывшим мужем тети жениха.

Мы засмеялись в голос, потому что подруга была в своем репертуаре. Арина с ее кавалерами — бесконечный повод для шуток и подколов, причем она ни капельки не обижается на это. Услышав наше веселье, подтянулись и другие ребята. Я

подняла голову на мужа и подмигнула. А в ответ почувствовала, как он еще сильнее обнял меня.

Внезапно боковое зрение зацепилось за знакомый силуэт — там, у входа в шатёр, на фоне света. На секунду сердце пропустило удар, потом ещё один. Прожектор полоснул по глазам, и я зажмурилась, но в темноте под веками силуэт не исчез. Открыла глаза — человек сделал несколько шагов вперёд, и я выдохнула. Чужой. Совсем чужой.

«Детка, — сказала я себе, — у тебя галлюцинации. От Сашкиного «принца» навеяло. Ты прямо, как престарелая Татьяна, которая увидела на балу призрак Онегина». Отгнав воспоминания, я громко засмеялась со всей компанией над шуткой, которую пропустила мимо ушей.

Свадьба шла по своему сценарию, уже хорошо знакомому после почти десятка церемоний за последние годы: поздравления, танцы, конкурсы, искренние и не очень слезы.

Шампанское уже обосновалось в моей голове, Сашка был веселый и необычно нежный, атмосфера располагала к прекрасному настроению.

Уже дома, с облегчением сняв каблуки и узкое платье, распустив причёску и приняв душ, я рухнула на кровать с чувством полного удовлетворения вечером. Не хватало только одного.

— Ты там не усни, — приглушенно раздалось из душа. — Я уже иду!

— Ну как же я могу заснуть без вишенки на торте этого

вечера, — проворковала я, в предвкушении приглушив свет и расположившись на подушках так, чтобы муж сразу забыл о сне. Наверно, о большем и мечтать невозможно. Наверно

— Неужели завтра опять в 7:17? — голос был сиплым, чужим. Я разлепила веки — веки не хотели, пришлось тереть. Часы на тумбе светились наглым зелёным: 09:45.

— А вот нечего все лето было ложиться после полуночи и вставать ближе к десяти утра. Тогда бы и мучиться не пришлось! — потягиваясь и кладя мне голову на плечо, ответил муж.

Почти все его жесты и прикосновения были очень приятны. Но почему-то когда он клал голову мне почти подмышку, я ощущала какую-то его приниженность. Как будто я его мама-курочка, и он хочет погреться у меня под крылышком. Я сонно перекатилась через плечо и оказалась сверху:

— Зато теперь целых девять месяцев мое утро будет в шести случаях из семи начинаться в 7:17, — сказала я и попыталась поцеловать Сашу.

— Опять твои до-зубо-чистные поцелуйки! — со смехом обрушил он меня обратно на кровать.

Повалявшись всласть — в последний раз перед учебным годом! — я направилась в ванную. Из зеркала смотрела вполне милостивая девушка: немного волнистые светло-русые волосы, никогда не знавшие красителей, стрижка чуть ниже плеч. Глаза карие, лоб высокий. Губы от природы довольно

полные, что всегда было предметом зависти знакомых девушек, давно подсевших на филлеры. Правда, когда нервничаю, начинаю их покусывать, а если сильно тревожусь – даже иногда до крови.

Я никогда не казалась себе красоткой, но, несмотря на это, не пыталась исправить недоработки природы с помощью косметики. Максимум – подвести ресницы, подкрасить брови, выровнять лицо тоном, да и то в особых случаях.

С фигурой мне повезло: Аринка говорит, что если облачить меня не в нейтральные «училкины костюмы», а в каблуки и обтягивающее платье, накрасить и причесать хорошенько, то «все мужики будут мои». Но зачем мне все, у меня и свой прекрасный есть.

— Женька! — из кухни донёсся голос, в котором уже сидела знакомая нота. — Пустая коробка из-под молока. Опять.

Я закатила глаза, но на всякий пожарный натянула повинное выражение. Подошла, заглянула в холодильник — и правда, стоит, картонный свидетель моей вечной забывчивости.

— Прости, — я поцеловала его в плечо заискивающе, как провинившийся кот. — Выкину. Сейчас.

— Ты же знаешь, у меня есть лимит на такие вещи. Ты десять раз не выкинешь эту коробку, и я промолчу, но на одиннадцатый не сдержусь. Заметь на одиннадцатый, а не на второй или третий.

— Сашка, ну заканчивай. Во-первых, вся эта бытовая фигня не в нашем стиле, — примирительно сказала я и, выбросив в мусорное ведро виновницу недомолвки, начала готовить омлет. — Во-вторых, ты знаешь, что я борюсь со своими плохими привычками, но не всегда побеждаю. Ну и, в-третьих, ты вчера тоже опять чашку до раковины не донес — поставил в трех сантиметрах от цели! — показала я ему язык.

— Вот ты вроде учитель литературы, а ведешь себя, как учитель математики! Во-первых, во-вторых, три сантиметра. Всегда тебе говорил, что ты со своим аналитическим мозгом не тем в жизни занимаешься. Надо было, как я в IT подаваться.

— «Во-первых, во-вторых и в-третьих» — это у меня от Эраста Фандорина, ты же знаешь! Ну и вообще, это полезно, когда все по полочкам хорошо умеешь раскладывать.

— Ага, только пустую коробку молока так и продолжаешь класть не на ту полочку, — усмехнулся муж, и тут же легко и игриво, но получил в лоб. — Порядок и система, Жень! Основа нашей крепости!

— Да-да, счастливой семейной крепости, я помню, — поморщилась я. — Ну вот привяжешься вечно, как репейник, Саш! Давай лучше подумаем, чем сегодня займемся. Последний день каникул все-таки, — сказала я, накрывая на стол.

— Не знаю даже. Можно погулять куда-нибудь сходить или поваляться и посмотреть фильм, — прожевал он вместе

с омлетом.

— Да это все скучно как-то. Как будто хочется чего-то интересного, захватывающего!

— Мы же вот только из путешествия вернулись, катались там на квадроциклах и дайвинг пробовали. Неужели тебе мало, ненасытная женщина? – посмеялся он.

— Классно, — согласилась я. — Но это не то. Понимаешь, хочется, чтобы дух захватывало не от скорости, а от... ну, от жизни. Чтобы нервы звенели, как струны. Чтобы накал. Как в книжках, где всё по-настоящему.

— Ну ты мне скажи, что для этого сделать – организуем! Ты ж знаешь, я за любой кипиш, — он уже доел и убирал со стола. Это было незыблемое правило: я готовлю, он убирает. Одно из множества наших правил, традиций, установок, порядков. Саша уверен, что именно они оберегают нас от штормов и невзгод.

— Да если б я сама знала! – грустно вздохнула я. – Но даже если ничего интересного не придумаем, я и просто погулять готова, и поваляться с фильмом и мороженым. Главное – вместе!

Саша подошел, обнял меня за талию и поцеловал.

— Видишь, как прекрасны поцелуи с чищеными зубами! – вставил он, и мы оба рассмеялись от души.

«Первое сентября» второго сентября – это всегда звучит очень забавно. Почему-то «Днем знаний» этот праздник у

нас называют редко. А жаль! Знания, их накопление, передача – это высшая, почетная и вообще самая важная деятельность. И говорю я так, разумеется, не потому, что по образованию, роду занятий и призванию я учитель.

Нет, не так. Вот так: Учитель – с большой буквы.

С самого детства, как только научилась говорить, я играла в школу: рассаживала свои игрушки и рассказывала им все, что знаю сама. Задавала им сложные задачки и вопросы, а мама на разные голоса на них отвечала: пищала за мышку, басила за льва, урчала за котенка. Уроки были разные: география, математика, история и даже эволюция – мамина любимая тема. Но больше всего я обожала читать своим плюшевым друзьям книги.

Читать мама меня научила рано: уже в три с половиной года я поняла, как соединять буквы в слоги, и понеслось! Путь мой был неизбежен: при такой любви к книгам и к обучению других я могла стать только учителем литературы.

— Миша, ты на линейке находишься или где? Прекрати ее дергать! — шикнула я на не к месту раззадорившегося парня из моего класса.

— Евгения Александровна, а чего она меня провоцирует! — возмущенно ответил мальчик.

— Ничего я не провоцирую! – покраснев от праведного гнева, ответила Катя – немного нескладная и полноватая, но уже начавшая расцветать отличница.

Четыре года бакалавриата, два года магистратуры. И вот

мои мишки, котики и тигры превратились в Мишек, Катеков и Игорей. Они щурятся от солнца, стоят на своей очередной линейке, с грустью думают об очередном безвозвратно ушедшем лете и о том, что впереди девять месяцев учебного года.

— Так, ну-ка телефоны все убрали, имейте совесть! — стараясь не привлечь внимание других учителей, крикнула шепотом я на свой класс.

— Ну а че еще делать? Скучота! — перекатывая во рту жвачку, пробурчал Денис Богачев.

— А сейчас, — объявляет в микрофон ведущая линейки, завуч Галина Михайловна, — мы хотели бы представить вашему вниманию отрывок спектакля, который подготовили участники нашего театрального кружка за лето. Представьте, что школьное крыльцо — это настоящая сцена, и поприступайте Маленького принца и его Розу!

В то же мгновение меня будто током ударило. Аплодисменты отодвинулись, стали плоскими, чужими. Я смотрела на девочку в красном платье — и видела себя. Ту, десятилетней давности. Ту, что стояла на этом же крыльце и ждала, что он посмотрит. Похвалит. Заметит.

Знакомый до боли образ — до сведённых скул, до ломоты в пальцах.

— Я была глупа, — скорее не услышала, а вспомнила я ее реплику. Каждое слово, как тоненькая иголка в самое моё утро.

Меня как будто Элли ураганом перенесло на то же крыль-

цо десятилетней давности: я в похожем одеянии произношу те же слова, преодолевая дрожь в голосе – впервые перед такой огромной аудиторией! Однако из сотен людей мне важен один-единственный зритель.

Тот, кто учил меня, какими должны быть мои движения, с какими интонациями должны звучать реплики, что должна нести моя Роза зрителю.

Тот, кто должен был пристально наблюдать своими синими глазами за моей игрой, чтобы потом пожурить за неуверенный голос и походку.

Тот, кто не пришел.

Тот, кого стоило забыть и отпустить навсегда – и казалось, что уже забыла и отпустила. Откуда же тогда это оцепенение?

В голове стучало: тот-тот-тот-тот. Сердце билось где-то в горле, мешая дышать. Я не знаю, сколько прошло времени — секунда, минута, вечность, — пока сквозь этот стук не пробился голос Галины Михайловны:

— Восьмой «В»! Провожаем!

Я моргнула. Кивнула. Ноги понесли меня ко входу — они казались чужими, потерявшими кости. Но шли.

1 апреля 2025, 07:25. Саша

Саша сонно провёл рукой по простыне — пусто. Шире, ещё шире. Движения натыкались на пустоту, искали жену — не находили. Подушка была пуста.

Саша взглянул на часы и потянулся. Он проснулся на целый час раньше будильника, значит Женя еще дома и можно провести утро вместе.

Он открыл глаза, посмотрел на смятую простынь рядом с собой и прислушался: в квартире была оглушающая тишина. Не шумел душ, не булькал чайник, не шипела яичница на плите.

Пожав плечами от этих странностей, Саша опустил ноги на холодный пол, поднялся, пошёл на кухню. На полпути бросил взгляд на шкаф — створка приоткрыта, из щели торчит край её футболки. Остановился. Открыл, поправил, закрыл. Движения отточенные, как по инструкции. Пошёл дальше.

На кухне было пусто. Никаких запахов, намекавших на то, что Женя позавтракала и ушла на работу. Да и какая работа, если время 7:25, а она встает только в 7:17.

Заглянул в ванную. Там сидел кот. Кокос, который обычно шарахался от этой комнаты, сейчас замер на полу, как каменный. Не моргал. Смотрел на Сашу и молчал.

Саша хмыкнул и огляделся: все привычные вещи на ме-

стах, но кажется, что их в последний раз использовали в попытках, попытались убрать на место, но сделали это как-то небрежно.

Отточенным движением поправил зубную щетку в стаканчике. Убрал баночку с кремом в шкаф. Протер зеркало специальной тряпкой — следы капель исчезли. Порядок восстановлен. Можно идти дальше.

Взгляд упал на коробку молока. Пустая? Протянул руку, сжал — картон легко поддался, хрустнул. Пусто.

По лицу пробежала судорога — короткая, как удар тока. Он сглотнул. Схватил коробку. Костяшки пальцев побелели. Резко захлопнул дверцу холодильника. Пошел к ведру.

Бросил коробку в ведро. И замер.

Среди апельсиновой кожуры, кофейной гущи, пустых пакетов — бумага. Обрывки. Небольшие, чуть пожелтевшие. Он присел, отодвинул коробку.

Почерк. Мелкий, бисерный. Женин.

Он взял стопку. Сложил два клочка — края сошлись. «Привет, детка!»

Сложил ещё два: «ты нашла ответы?»

На лице отразилось искреннее недоумение. Он сидел на корточках перед мусорным ведром, сжимая обрывки в пальцах, и пытался вспомнить, когда в последний раз видел её почерк. На открытках к праздникам? На записках на холодильнике?

Не вспоминалось.

— Первоапрельская шутка? — спросил он у кота, севшего рядом.

2 сентября 2024. Женя

Утренние тревоги почти растворились, пока я брела домой через дворы — ещё зелёные, ещё тёплые, ещё мои. Солнце жарило по-летнему, небо синело без оглядки на календарь. Пятнадцать минут от школы до дома — дорога, которой я наслаждалась всегда. Но сегодня особенно. Потому что завтра всё это кончится. Начнётся учебный год, расписание, звонки. А пока — ещё можно дышать.

Саша уехал утром — командировка на несколько дней. Он айтишник, сопровождает софт для крупных предприятий. Это значит — клиенты по всей стране, и раз в месяц, а то и чаще, он пакует чемодан. Обычно на пару дней, но бывает, что и на неделю.

Благодаря его хорошей работе мы неплохо себя чувствуем финансово: недавно переехали в новую квартиру. В ипотеку, конечно, но зато платим с опережением, у Саши хорошая машина, ездим в отпуск за границу. Я своей крошечной учительской зарплатой тоже гордо пополняю семейный бюджет, но этого хватает, кажется, только на корм коту.

— Ах ты негодяй! — вырвалось у меня, когда я открыла дверь.

Кокос, наш белый помоечный котяра, сидел на полу и с абсолютно невинным видом облизывал лапу. Под ним, как развалины древнего храма, возвышались горы вещей с ан-

тресолой — коробки, пледы, старые фотографии в рамках. Охотился, видимо, за мухой. Или за моей нервной системой.

Увидев меня, кот быстро смылся.

— Ну и что мне теперь с тобой делать? — я нашла его в ванной, где он прятался с видом оскорблённой невинности. Взяла на руки, потащила на место преступления.

— Совесть есть? — спросила я, усаживая его перед грудой вещей.

Он зевнул. Совести не было.

Отпустила наглеца и медленно просканировала беспорядок на предмет масштаба трагедии. Грустно вздохнув, присела на колени и начала складывать вещи обратно в пластиковые контейнеры.

Через полчаса я добралась до последней коробки. На крышке маркером было выведено: «Сокровища юности». Я открываю её раз в год, не чаще, — поныть над билетиками в кино, старыми тетрадками с гаданиями, открытками от одноклассниц. Целая эпоха в картонной коробке.

И вдруг — конверт. Там, где обычно пишут адрес, начертано: «себе, повзрослевшей и поумневшей».

Я смотрела на него, и руки не слушались. Хотелось зашвырнуть его подальше, в самую глубину коробки, закопать под старыми дневниками. И одновременно — разорвать, вытряхнуть содержимое, впиться глазами.

Воспоминания уже лезли — настырно, как те коммивояжёры, которым плевать на табличку «не беспокоить». Толь-

ко они не ножи предлагали. Они предлагали его.

«Не надо», — сказала я себе. — «У тебя есть всё. Муж, работа, кот. Этот конверт — ящик Пандоры. Не открывай».

Пальцы открывали. Медленно, будто не слушаясь мозг. Бумага внутри была тёплой — или это мои ладони нагрели её за секунду? Десять лет. Десять лет она пролежала в темноте.

«Как Джульетта, нашедшая старые письма к Ромео», — мелькнуло в голове. Глупая мысль. Я вцепилась в строчки.

«Привет, детка!»

Интересно, ты еще называешь себя так? И сколько тебе сейчас лет? И почему вдруг ты решила открыть этот конверт: повзрослела и поумнела, отпустила эту боль и теперь хочешь потешиться над своей глупенькой версией черт-знает-сколько-летней давности?

Ну что, ты уже состоялась? Муж — миллионер и красавчик? Любите до гроба? Ты — лучшая учительница литературы в мире? Живёшь в доме на островах? И главное — ты нашла ответы?»

Телефон пиликнул. Саша: «Долетел, устроился. Целую». Как будто услышал, что я сейчас разговариваю с собой десятилетней давности, и решил напомнить: я здесь, я есть, я твой муж.

— Не миллионер, — шепнула я конверту. — И не Брэд Питт. Но мы правда любим друг друга. И трешка в ЖК — не вилла, но очень уютная. Ты, детка, ещё не знаешь, что тихое счастье — это тоже счастье. Но поймёшь.

«А если все это не случилось, то какой тогда смысл в страданиях, которые я сейчас испытываю? Ведь для чего-то же должны быть те слезы, которые льются из моих глаз ночами?»

Конечно, ты всё помнишь, я уверена. Такое невозможно забыть через десять, двадцать, даже через сто лет. Но я все равно хочу выложить это на бумагу, как будто рассказываю чужому человеку. Прожить снова всю нашу историю, эти эмоции: сначала возносящие к самым небесам, а потом роняющие в омут.

Что ж, в начале предложение походить на каникулах перед одиннадцатым классом в театральную студию не предвещало ничего интересного. Но как всё изменилось, когда вместо заболевшей Людмилы Павловны заниматься с нами пригласили его. Моего А. Хотя, какого теперь моего

Он закончил нашу школу 4 года назад и когда учился, тоже ходил в кружок – был любимчиком Людмилы Павловны. Он и сейчас увлекается театром, хотя и учится совсем на другой специальности. В прошлом году он иногда приходил на наши репетиции и помогал учителю.

Вряд ли его можно назвать красивым: невысокий рост, совсем простое лицо, русые волосы. Но его харизма и энергетика, как он говорит и двигается – всё это делает его «звездой». Девчонки сохнут, пацаны следуют за ним во всём. И при этом он как-то умудряется сохранять отстраненность и мало с кем действительно сближается.

Я до этого серьезно не влюблялась: были парни, которые нравились, были свидания и поцелуи. Но не большие. Ты уже наверно и не помнишь всех этих мимолетных кавалеров.

Ну и, к тому же, ты же знаешь, я давно решила, что перейду на более серьезный этап только с тем, кто потом станет моим мужем. Интересно, у тебя так получилось?»

Я провела пальцами по строчкам — бисерный почерк, чёрная гелевая ручка. Бумага чуть шершавая, ещё хранящая тепло тех лет.

«Да, детка, — мысленно ответила я. — Твой завет я исполнила».

И вдруг поняла, что дыхание сбилось. Пальцы, которые только что гладили письмо, задрожали — мелко, противно, как после кофе на голодный желудок. Я знала, что дальше. Знала каждую строчку.

Может, убрать? Закрывать коробку, задвинуть обратно на антресоль, забыть?

Зачем мне это торнадо? У меня есть тихое, тёплое, счастливое настоящее.

Тогда, держа в руках письмо из прошлого, я не знала, что эти психологические катаклизмы — ловушка, в которую попадаешь, даже не замечая этого, а потом тянешься за новой порцией эмоций снова и снова, не осознавая своих действий и идя на огромный риск. А если бы знала, я смяла бы эти листы, разорвала на сотни кусочков, сожгла — всё что угодно, лишь бы не сделать первый шаг. Но тогда я понятия не име-

ла, к чему это может привести, поэтому продолжила чтение:

«С А. все начиналось тоже вполне безобидно: как и всем девочкам из театрального кружка, мне хотелось его внимания. Тут было скорее не реальное влечение, а просто азарт – получится или нет это внимание заработать! И чем больше он меня игнорировал, тем больше разыгрывался спортивный интерес.

А во время летних репетиций мне повезло: он выбрал меня на роль Розы – мы начали готовить «Маленького принца» к осеннему фестивалю, а первого сентября был запланирован показ демоверсии из нескольких сцен.

На репетициях он показывал мне, как нужно двигаться. Прикасался. Становясь сзади меня, бережно поправлял мои руки и плечи, и я чувствовала его дыхание кожей.

А еще классно было оставаться вдвоем после кружка или наоборот приходить пораньше и вместе ждать остальных. Мы болтали про музыку и кино, смеялись, подкалывали друг друга. Потом он иногда стал провозжать меня домой, брал за руку по дороге, мог обнять.

Когда он впервые поцеловал меня, это была полнейшая эйфория. Не чувствуя ничего под ногами, не веря себе и сомневаясь, что все это произошло на самом деле, я стояла в подъезде, прислонившись спиной к двери, с другой стороны которой мы только что попрощались. Глупенькая, наивная, счастливая дуручка. Уверена, ты до сих пор помнишь тот поцелуй.»

Я помнила. Не могла не помнить.

— Алиса, включи Zero People — «Танцующий апрель».

Голос Красовицкого поплыл из колонок, и я закрыла глаза. Текст я знала наизусть, он въелся в подкорку ещё тогда, десять лет назад, когда я слушала его по кругу, лёжа на кровати и глядя в потолок.

Вспомни свой первый поцелуй

Будто бы миллионы пуль

Изрешетили как могли

И ноги не чувствовали земли

Как была неуёмно дрожь

И все запреты уничтожены

И притяжение, и страх

Привкус восторга на губах

И тишина, и мир, сжавшийся вокруг

И эта война в груди — всего лишь сердца стук

Никто, никто так тонко и красиво не сможет описать первый настоящий поцелуй. Тот, после которого понимаешь, что все предыдущие были так, фикцией. Пустышкой.

«А дальше были второй, третий, сотый. В парках, на крышах, в его машине, на репетициях — пока никто не видит. Перед свиданиями я всегда рассасывала карамельку, а он говорил, что у меня сладкие губы.

А потом прикосновения стали настойчивее. Ещё настойчивее. И ещё.

Я знала, что скоро придётся сдать крепость. И ждала этого. Наверно, даже больше, чем он. Нужен был только «особый случай» — ну нельзя же просто так!

Наша мини-премьера на линейке казалась вполне подходящим поводом. Сильно значимый был и не нужен, ведь мы были вместе почти три месяца. Мне так казалось. Что не нужен. Что вместе. Что два месяца. С каждым днем я вертелась в этом чувственном водовороте все быстрее и быстрее и видела вокруг себя всё меньше и меньше.

А потом он вдруг пропал. До первого сентября оставалась неделя, он перестал приходить на репетиции, а на мои звонки и сообщения отвечал отмазками или не отвечал вообще. Говорили, что ему срочно пришлось уехать, что у него появились какие-то дела и всякую другую ерунду. Наша Людмила Павловна к тому времени уже вышла с больничного, и проводила репетиции сама.

Я так надеялась, что первого сентября он все-таки придет. Представляла, как принесет цветы, будет смотреть на меня и улыбаться, поддержит перед выступлением и похвалит после. Но он не пришел.

Знаю, ты помнишь все эти дни в безызвестности: невозможно ни учиться, ни тусоваться с друзьями, ни вообще думать о чем-то, кроме него. Пытаться искать причины, почему он так поступил. Узнавать у общих знакомых, не слышали ли они новостей про него.

И вот сейчас, только сейчас — через два с половиной меся-

ца! – все прояснилось. Оказывается, он удачно попал в программу международного обмена и уехал учиться на год в Китай.

Почему, почему он ничего не сказал? Почему резко перестал со мной общаться, а те несколько сообщений, что все-таки пришло от него, написаны как будто сквозь зубы? Словно он узнал обо мне что-то ужасное и решил разорвать все связи. Но что такого он мог узнать? Или, вернее, что ему могли наплести? Ведь я ничего, совсем ничего не сделала плохого.

А может, он тогда просто хотел поразвлечься, был неискренен и лжив? Нет, не могли эти губы, эти руки и глаза врать. Я знаю, я верю в это.

Столько вопросов, а ответов нет. Появятся ли они когда-нибудь? А, повзрослевшая и поумневшая я, ты нашла ответы?»

— Нет, детка, и у меня их нет. – с грустью подумала я.

«Я плачу каждую ночь, а дни проживаю как на автомате. Уже почти не пишу ему, стараюсь забыть. Вот и письмо это родилось, чтобы я могла выговориться, чтобы всё снова прочувствовала и поняла, что пора выбираться из этого омута. Пора жить снова, готовиться к ЕГЭ, встречаться с друзьями и читать книги. Пора снова стать собой: веселой, легкой и позитивной.

Надеюсь, хоть ты, повзрослевшая и поумневшая я, смогла это сделать? Если да, может подскажешь мне отту-

да, из будущего, из черт-знает-какого года, что мне сделать, чтобы так не болело сердце? Чтобы не вздрагивать от каждого сигнала телефона – вдруг он написал! Что забыть, отпустить и вспоминать потом все это со снисходительной улыбкой?

13.11.2014»

Снисходительной улыбки не было. Это не был наивный бред — это была настоящая боль, упакованная в слова.

— Ах, детка, — шепнула я. — Если б я могла сейчас обнять тебя, лежащую в плюшевых розовых штанах и рыдающую в подушку. Я бы рассказала тебе, что он не вернётся. Что вы больше никогда не заговорите. Что он уедет в Москву, женится, будет счастлив — без тебя. Еще долго ты будешь по привычке пытаться узнать, как и чем он живет, но почти всегда безуспешно. Потому что в социальных сетях он ничего о себе не пишет, а общих знакомых не так много.

Но ещё я бы сказала тебе, что через пару месяцев ты встретишь другого. Он не сразу, но залечит раны. Станет другом, мужем, крепостью. И через десять лет вы будете сидеть на свадьбах и делать ставки на то, сколько протянут другие. С высоты своего счастья.

— Всё будет хорошо, детка, — сказала я пустоте. — Ты даже не представляешь, как хорошо.

И тут запищал домофон.

«Черт, Аринка пришла, — догадалась я, пытаюсь понять, как умудрилась зависнуть на несколько часов в воспомина-

ниях. Так, что даже забыла о визите подружки и обещанных ей пирожных и бутылке вина.

— Нет, ну надо же праздник отметить, — резонно сказала она утром по телефону и обещала заявиться к семи вечера.

Пока она поднималась на шестнадцатый этаж, я дособирала вещи, сунула конверт с письмом обратно в коробку — подальше, на дно. Улыбнулась, открыла дверь.

Арина была как всегда в хорошем настроении, и немного развеяла мою задумчивость, навалившуюся после погружения в воспоминания.

— А чего это ты такая загадочная была, когда я пришла?

— Да так, Андрея вспомнила, — нехотя призналась я.

— О, того самого? Который тебя кинул в одиннадцатом классе? — она закатила глаза. — Режиссёр недоделанный. Помню, ты рассказывала

Мы познакомились только в универе, поэтому она не была свидетельницей моей истории, однако через знакомых знала Андрея. У нас небольшой город, и даже двух-трех рукопожатий достаточно, чтобы дотянуться до любого жителя.

— Да, он. Сегодня Кокос все вещи со шкафов раскидал, и я пока собирала, нашла старое письмо, которое писала как раз в самый тяжелый период, когда страдала по нему. Я много лет вообще не вспоминала эту историю, а тут что-то нахлынуло.

— Ах, чего теперь это вспоминать. У тебя нынче крутой муж, любите друг друга как подростки и целуетесь, пока на

светофоре горит красный. Тебе только ленивый не завидует! А Андрей пусть подавится, что ему такая девушка не досталась.

— Ну, у него, кажется, тоже все хорошо сложилось. Живет в Москве, успешный, женатый, — пожалала я плечами.

— Да он развелся уже полгода как, — фыркнула Арина.

Крошка пирожного встала поперёк горла. Я закашлялась, прикрывая рот ладонью. Арина хлопнула меня по спине, но кашель был не в лёгких — в голове.

— С чего ты взяла?

— Костя рассказывал, брат мой двоюродный. Они же с Андреем одноклассники. Он его встретил недавно тут, у нас. Он теперь здесь частенько бывает, какие-то дела по работе.

— Понятно. — Я откусила ещё кусок пирожного, чтобы чем-то занять рот. — А как там Костик?

Слова застряли в голове и не хотели выходить. Я кивала Арине, смотрела, как она жестикулирует, рассказывая про Костика, а внутри стучало: развелся, бывает в городе, развелся.

Почему это бьёт? Почему виски сдавило, будто чужой рукой? У меня есть всё. Муж, работа, кот, пирожные по вечерам. Тёплое, уютное, счастливое... болото?

Стоп. Какое болото? Ты с жиру бесишься. У тебя лучший муж. Ты реализовалась. Ты путешествуешь. Ты счастлива.

«Всем бы такое болото», — повторила я, но внутри уже не верила.

— Да это же сумасшествие! — Егор, высокий мальчишка в худи, даже привстал с места. — Ради каких-то побрякушек лезть в Англию, сражаться, рисковать жизнью Глупость, а не подвиг!

Солнце ударило ему в глаза, он зажмурился, отмахнулся, будто от мухи.

— Побрякушки? — Настя подалась вперёд, щёки вспыхнули. — Это честь королевы! Честь женщины! Ты вообще понимаешь, что такое честь?

— Честь, честь — Даня с задней парты закатил глаза. — Да плевали они на честь! Это чистый адреналин. Им как будто бросили вызов: «Слабо?». И они поскакали, как пацаны во дворе — доказать, что не слабо.

Я обожала свой книжный клуб. Он проходил в старом кабинете литературы, где на стенах висели пожелтевшие портреты классиков. Летом мы не встречались, но у всех было задание – прочитать «Трёх мушкетеров», чтобы после каникул собраться и обсудить.

Атмосферу я на этих встречах специально создавала свободную, чтобы ребята не боялись высказывать свое мнение и участвовать в дискуссиях. Поэтому ученики расселись кто на стульях, кто на задних партах, кто на подоконнике. Обсуждали значение авантюрных поступков в романе. Мне нравилось, что подростки спорят до хрипоты, что у них горят глаза.

— А вот мне интересно, — сказала я, когда шум немного стих, — если бы не было никакой королевы и подвесок, пошли бы они на такой риск ради чего-то своего? Ради любви, ради дружбы?

— Ради дружбы — да! — тут же откликнулась Настя.

— А я считаю, нет, — отрезал Егор. — Никто не станет рисковать жизнью просто так. У тебя должна быть цель покруче.

— Ну вот! — Даня победно вскинул руки. — Значит, это была игра. Проверка себя. Им нравилось ходить по краю.

Разговор снова вспыхнул, ребята перебивали друг друга, кто-то стучал кулаком по столу, кто-то смеялся.

Я смотрела на них и ловила себя на мысли, что в их голосах — та энергия, которой во мне давно нет. Желание играть, даже если игра не стоит свеч.

Слово «азарт» стукнуло где-то под ложечкой. Я отогнала его, подняла руку:

— Так, спорщики, стоп. Одни говорят — подвиг, другие — глупость, третьи — игра. Пусть каждый выберет сам. На то и литература, чтобы у каждого был свой дАртаньян.

Ребята засмеялись, зашуршали рюкзаками.

А слово осталось. Сидело внутри и ждало.

Саша еще не вернулся из командировки, и я уже начинала немного скучать. Чтобы занять себя, решила прибраться дома. Взяла тряпку, включила музыку. Протирала пыль, вспо-

минала день.

Дети — их так легко захватить азартом. Им мало что терять, и они готовы нырять с головой. А когда это проходит? У кого-то — с работой, семьёй, детьми. У кого-то — после удара судьбы. А у меня, похоже, третий вариант: я просто не наныряться в юности. Всё просидела за книгами, пока другие прожигали жизнь. А теперь — экстремальный спорт, прыжки, адреналин... и всё не то. Потому что надо было тогда, а не сейчас.

«Нет таких слов, говорящих о том, что

Первая любовь — это что-то на «прошлом»

Первый поцелуй у подъезда вечером

Первая любовь — это что-то на «вечном» -

донёсся из колонки голос Жени Трофимова.

Ах, Женя, тетка мой прекрасный, не всегда. Бывает, человек просто исчезает, вычёркивает тебя из жизни — и десять лет молчит. А тебе интересно: каким он стал? Что слушает, что читает, о чём говорит? Не чтобы вернуть, а просто — что стало с тем, кто когда-то сформировал тебя. Кто остался в каждой бессонной ночи, в каждом разговоре с подругой, в каждой попытке понять: почему? Из этого «почему» и родилась та я, которая сейчас стоит у окна с чашкой чая.

А еще Андрей всегда был для меня тем самым человеком, к которому в своих мечтах я, повзрослевшая и красивая до безобразия, подъезжаю на дорогой красной машине, когда он, жалкий и продрогший, стоит под дождем на остановке

в ожидании автобуса. У каждой девчонки такой есть. Тот, которому надо показать: смотри, какая я стала успешная и счастливая.

По всем этим причинам невозможность общения с Андреем показалась мне в тот момент какой-то вопиющей несправедливостью, словно тебя по рукам и ногам связали, и ты даже пошевелиться не можешь. Не имеешь выбора.

И вот эта невозможность — просто спросить «как ты?» — начала бесить. Не то чтобы я хотела его вернуть, нет. Но сам факт: он есть, а я не могу. Связана по рукам и ногам. Нет выбора. Воспоминания последних дней смыли с меня какой-то защитный слой, и наружу полезло это бессилие.

Чтобы остыть, взяла телефон, зачем-то залезла в соцсети. Я редко там бываю, но иногда листаю ленту — отвлечься. Сама пишу часто: отзывы на книги, фото, ролики. И всегда в глубине души надеялась, что он это увидит. Что случайно наткнётся, прочтает, поймёт, какая я стала. Но он не в друзьях, так что шанс — один на миллион.

Когда-то я следила за его страницей, пытаюсь выудить хоть что-то. Но он не из тех, кто выставляет жизнь напоказ. Всё глухо.

От внезапной мысли уголок моего рта дрогнул, и я набрала в строке поиска заветную фамилию. Зашла на страницу. Увидела знакомую аватарку и надписи «18 общих друзей» и «Был в сети 13 часов назад». Как и предполагалось, ничего нового. Уже лет пять.

Пролистав хорошо знакомые фото, я вздохнула. Ну почему, почему нельзя просто написать тебе «Привет! Как дела?» и просто получить ответ.

Хм, а почему нельзя? Можно. Только Жене он не ответит. А кому-то другому — может быть.

Сердце забилось чаще. Азарт, о котором я сегодня столько думала, ударил в голову, и в груди стало горячо, будто выпила коньяку.

«Выйти из аккаунта?» — спросила меня сеть.

«Да», — ответила я.

Зарегистрироваться.

Введите номер телефона.

Хм, а ведь он имеется. Старая симка, которую выдавали еще в институте на одном из проектов. Интересно, не отключили ли

Я влезла на нижний ящик, дотянулась до антресоли. Оттуда посыпались коробки, наушники, какие-то провода — я выкидывала их на пол, не глядя.

«Детка, ты чего? — спросила я себя. — Это просто симка. Может, её уже нет».

Но руки продолжали шарить. Инструкции, зарядки, сломанные часы... Вдруг в дальнем углу мелькнуло знакомое сочетание цветов компании – мобильного оператора. Я вытащила конверт. Симка была внутри.

Окей, первый этап одобрения Вселенной моего безрассудства пройден. Теперь следующий: будет ли номер активен,

или его давно отдали в счастливое пользование какой-нибудь Светлане Петровне.

Пальцы дрожали, когда я вставляла симку. Она не влезала, пластик противно скрипел. Перевернула — сработало. Телефон ожил, посыпались уведомления. Номер работает!

Я нервно усмехнулась и тут же почувствовала на губах кровь — прокусила, даже не заметила.

Ах черт с ними, подумала я. Поехали дальше.

Скармливаю ВК одиннадцать заветных цифр номера телефона, и он просит меня ввести имя и фамилию.

Так, об этом я пока не подумала. Как же будут звать мое инкогнито-воплощение?

Имя Татьяна показалось подходящим – уж очень я была похожа когда-то на молодую барышню, безответно влюбленную в Онегина.

Теперь фамилия. Ларина будет слишком карикатурно. Нужно что-то простое, но изящное. Пусть будет Лебедева, например, – решила я.

Заполнив все нужные поля, я смотрела на свою новую страничку: ну привет, подруга!

Дальше нужно было найти его профиль – это труда не составило.

А вот теперь главное: что написать? Нельзя же просто спросить «как дела?»

Я озадаченно разглядывала экран. Только сейчас ко мне начало приходить осознание, что нельзя просто так написать

человеку сообщение с явно подставного аккаунта и ждать, что он выложит всё о себе.

И что же теперь, все было зря?

Ну-ка, детка, представь, что ты Миледи Винтер. Умная и коварная интриганка. Стратег, который просчитывает на три хода вперед. Королева на шахматной доске. Тут, конечно, не подвески Анны Австрийской, но всё же задачка.

Дано: человек, который мало общается в социальных сетях и ответит на сообщение с неизвестного аккаунта, только если в нем будет очень серьезный крючок.

Найти: способ наладить с этим человеком общение и узнать, каким он стал и чем живет.

Решение: отсутствует

Нет, у Миледи найдется решение даже для самой сложной задачи! Думай, детка!

Решение

Есть идея!

Кровь прилила к щекам, в груди что-то словно закопошилось. Приятное чувство, черт возьми!

Палец стал бегать по экрану:

«Здравствуй, Андрей! И сразу прости за эту инкогнито-страницу и вымышленное имя. Дочитай до конца, и тебе все станет понятно.»

Когда-то много лет назад мы с тобой познакомились на одном из проектов и знакомство это зашло довольно далеко. И почему оно не закончилось чем-то более серьезным,

одному Богу известно.

Юность моя была очень яркой, а вот личная жизнь в итоге не сложилась ни во что серьезное. И недавно я себя поймала на мысли, что частенько вспоминаю о тебе. Написала бы и со своей настоящей страницы, да вот когда тебе уже не 15, так тяжело делать первый шаг!

Не знаю, свободно ли сейчас твое сердце. И прости заранее, если это письмо вызовет непонимание со стороны твоей второй половинки, если она есть.

Ну а если ее нет, я буду очень рада продолжить общение, узнать, как сложилась твоя судьба, чем сейчас занимаешься и т.д.

Прошу тебя не оставлять это сообщение без ответа, потому что я переживаю, как школьница. И еще раз прости, если оно принесет тебе какие-то неприятности...»

Я перечитала несколько раз и попыталась посмотреть на сообщение его глазами.

Во-первых, если он действительно одинок, его может заинтересовать возможность общения с девушкой, с которой уже была какая-то история.

Во-вторых и в-главных, крючок, на который, надеюсь, он попадетса – это инкогнито. Тайны, загадки, недосказанность – прием, старый как мир. Прекрасные незнакомки работали во все времена, а не только в эпоху мушкетеров.

Удовлетворенно хмыкнув, я скопировала сообщение в чат ВК, занесла палец над иконкой отправки сообщения, и тут

же, вздрогнув, выронила вибрирующий телефон из рук. Сообщение от мужа «Ты еще не спишь?». Сердце подпрыгнуло, я дрожащими пальцами набрала: «Дома убмралась, скорл пойду». Отправила.

Через секунду пришёл ответ: «Значит, приеду в убмранную квартиру, здорово».

Я тупо уставилась на экран. Две опечатки. За все годы — ни разу такого. Сейчас он что-то заподозрит.

Тпру, детка! Куда тебя понесло? Заподозрит что? Да, у вас с мужем никогда не было секретов друг от друга. Ты рассказываешь ему все, что думаешь и чувствуешь, и он делает так же. Но сейчас ты просто решила позволить себе маленькую безобидную шалость, только и всего. А ведешь себя, как Анна Каренина, решившая тайно уйти от мужа к Вронскому.

Да я же ничего вообще не сделала предосудительного. Можно даже Сашке рассказать про эту авантюру, он поймет и посмеется вместе со мной.

Успокоив себя таким образом, я отшутилась про опечатку и пожелала мужу добрых снов. На часах было ближе к полуночи.

Я снова открыла ВК, перечитала сообщение. Палец завис над кнопкой. «Сосчитай до десяти», — сказала я себе. Один, два, три Воздух на выдохе обжигал горло. Четыре, пять, шесть Сердце колотилось где-то в висках. Семь, восемь, девять «Десять» я не дождалась. Нажала.

7 сентября 2024. Женя

Саша вернулся из командировки к обеду. Я услышала, как щёлкнул замок, и выскочила в прихожую — бросилась на шею, ткнулась носом в колючую щёку.

— Ой, ну грязный же, после самолета, — он отстранился, но глаза улыбались. — Дай хоть в душ сходить и в порядок себя привести. А потом уже обнимашки, целовашки и всё вот это, чего ты так любишь.

Картинно сделав вид, что обиделась, я пошла на кухню ставить чай. Вернувшись из душа, муж в красках рассказал, как прошла поездка. Он любит посвящать меня во все нюансы своей работы, хотя и знает, что я не так уж много понимаю.

Он редко заходит в ВК, вряд ли уже увидел. Интересно, какая будет реакция? Может, меня ждет полное молчание. Или он пошлет неизвестную особу куда подальше. Тогда, пожалуй, у меня больше нет идей, как узнать о настоящей жизни моей прошлой любви.

— Ну ты только представь, насколько это глупо, — прорвался в мое сознание веселый Сашкин голос, и я подхватила его смех, лишь капельку запоздав с реакцией. Черт, о чем это он, интересно, рассказывал

Стараясь больше не выпадать из разговора, я отогнала неуместные мысли и обратилась во внимание.

— А как там результаты твоего конкурса, кстати? Обещали же к началу учебного года, — спросил Саша, закончив с подробностями своей поездки.

— Пока тишина, ждем.

В прошлом учебном году я, как молодой и подающий надежды учитель, отправила заявку на участие в конкурсе для педагогов. Придумывала интересные идеи занятий для разных классов, записывала видеоролики и проводила открытые уроки. Была в числе победителей сначала на уровне города, потом региона. В мае участвовала в этапе Южного федерального округа, победа в котором даст шанс выйти во всероссийский финал.

Результаты обещали опубликовать к началу учебного года. Попадание в число победителей означает поездку в Москву и участие в важном профессиональном событии, где соберутся лучшие учителя страны. Ну а если получится там стать одним из призеров, о чем я, конечно, не могла и мечтать, то в третьей четверти меня ждала стажировка в Москве, куда нужно будет ездить раз в две недели.

— Представляешь, если прошла на следующий этап, станешь местной знаменитостью: будут везде писать, какой у нас классный в городе учитель работает. Родители захотят к тебе своих детей отдать. И даже Горелова может от тебя отстанет, — усмехнулся он.

— Думаю, этого не случится, даже если я получу награду как лучший учитель планеты, — содрогнулась я, вспомнив

самую скандальную мамашу, с которой меня сводила жизнь. Леди Макбет нашего южного уезда.

Он ушёл спать с дороги, а я убирала со стола. Солнце заливало кухню тёплым сентябрьским светом. Я вытерла руки, покосилась на телефон. Просто проверить, есть ли что-то новое. В своём аккаунте — ничего. А в том, новом?

Я бесшумно прошла в спальню, приоткрыла дверь. Саша лежал на боку, дышал ровно. Спит.

В гостиной, присев на край дивана, я переключилась на аккаунт Татьяны Лебедевой. Пальцы чуть дрожали, когда приложение загружалось. Ну же, ну...

Экран ожил. Я уставилась на иконку сообщений. Пусто. Ни единички, ни намёка.

Зашла в диалог — он был онлайн вчера. Значит, просто не видел. Выдохнула с таким облегчением, будто гора с плеч. И тут же поймала себя на мысли: как сильно бы меня задело, если бы он промолчал.

«Спокойно, — сказала я себе. — Ты всего лишь написала бывшему с левого аккаунта. Велика важность».

Из спальни донёсся сонный голос, я быстро вышла из аккаунта, зашла в свой и пошла к мужу.

День прошёл отлично. Мы встретились с друзьями, гуляли по набережной, ели мороженое, смеялись до колик. Южный сентябрь щедро дарил тепло, закат разлился оранжевым по всему горизонту. Обычно после таких вечеров мы с Са-

шей засыпали счастливые и уставшие, растворившись друг в друге.

Но сегодня у меня был план.

Он уснул быстро. Я полежала немного, считая его дыхание, потом осторожно взяла телефон и снова переключилась на «Таню».

Ничего. Онлайн — вчера. Сегодня суббота, уже вечер, а он всё ещё не заходил.

Ну как можно не заходить в соцсеть два дня?! Я злилась на Андрея за то, что он живёт своей жизнью, а не моей. И на себя — за эту дурацкую злость.

Заснуть не получалось. Мысли крутились вокруг одного: заходил? прочитал? ответил? Морфей не шёл, а я лежала и смотрела в потолок, чувствуя, как пульс отдаётся в висках.

Утро воскресенья было разбитым. Саша заметил:

— Ты какая-то сонная. Нормально спала?

— Да, просто приснилось что-то, — отмахнулась я.

День тянулся бесконечно. Продукты, готовка, уборка — всё как обычно, но внутри, как назойливые мухи, крутились мысли: заходил? прочитал? ответил? Я почти физически ощущала, как медленно ползут минуты. Специально, что ли, день решил удлиниться?

Нина Заречная, наверно, так же ждала писем от Тригорина. В неопределённости и сомнениях.

Еле дождалась ночи. Саша уснул быстро — сказала воскресная усталость. Я лежала на подушке недвижно, считала

пульс. Сто двадцать ударов? Больше.

Ввела пароль. Пальцы дрожали, первый раз ошиблась, второй. Чёрт, если третий раз — заблокируют. Сосредоточь-ся.

Получилось.

Экран загрузился, и я увидела: единичка. Красная, угловатая, настоящая.

В ушах зазвенела тишина. Я задержала палец над иконкой — нарочно, чтобы продлить это мгновение. Дольше не смогла.

«Привет N. Не знаю, чем обязан такому вниманию, но не ответить не могу. Лучше, если я всё же буду понимать, с кем общаюсь. Возможно, я тогда и я сейчас – два разных человека, и «тот» был намного интереснее и прочее. Откуда мы знакомы и как давно? Где ты живешь?».

От макушки до пят пробежал ток. Я перечитала раз, другой, третий. Слова были простые, почти сухие, но за ними — он. Живой, настоящий, ответивший.

Зашёл. Прочитал. Ответил. Три из трёх.

Я выдохнула и только тогда поняла, что всё это время не дышала. Мир сузился до светлого фона и чёрных букв, а внутри — шквал. Я чувствовала себя. Не какую-то конкретную эмоцию, а именно себя — ту, которая уже очень давно не приходила.

Ладно. Разберём сообщение.

Он ответил — значит, интересно. Бойтся не оправдать

ожидания — небезразличен исход. Хочет определённости — надо дать ему иллюзию, что скоро всё прояснится.

Я закрыла глаза и представила себя Миледи. Умной, хитрой, властной. Что бы она ответила?

Пальцы забегали по экрану:

«Десяток лет не оставит прежним даже камень. Что уж говорить о человеке...»

Могу ли я поток твоих вопросов принять за положительный ответ на мой вопрос о свободном сердце? (иначе этот диалог лишен всякого смысла).

Вместо того, чтобы писать, где и когда мы познакомились, мне наверно проще будет решиться на встречу. Увидишь все сам и, надеюсь, не разочаруешься. Конечно, если ты сейчас в Москве и располагаешь свободным вечером»

Встреча — хороший крючок. Если он клюнет, в переписке до неё можно будет выудить всё, что мне нужно. А потом — просто исчезнуть.

Улыбнувшись собственной хитрости, я отложила телефон и закрыла глаза. На этот раз Морфей пришёл быстро.

Утром я твёрдо решила: до вечера — ни ногой в заветный аккаунт. Предвкушение уже разлилось по венам — краски стали ярче, звуки громче, даже собственная кожа казалась горячее. Наверно, так и чувствуют себя одержимые, когда получают то, чего ждали.

Я ловила себя на том, что двигаюсь быстрее обычного —

режу хлеб, пью чай, хожу по комнате. Словно если разогнаться, время понесётся быстрее и момент X наступит раньше. Игра с самой собой: ловишь этот разгон, вздыхаешь, пытаешься сбавить темп — нельзя же выглядеть подозрительно.

Весь день я заставляла себя не думать о том, что меня ждет в разделе «новые сообщения». Есть там что-то или нет — неизвестно, и это неизвестное тянуло, как магнит. К вечеру я еле дождалась, когда можно лечь. Выполнила все вечерние ритуалы — почистила зубы, умылась, пожелала Саше спокойной ночи. Замерла. Дождалась его ровного дыхания. Открыла страницу.

Единичка. Снова.

«Давай встретимся. Вечера свободные. Кроме сегодня — футбол, и завтра — буду помогать переезжать друзьям. Интересно изъясняешься. Нравится, когда люди умеют пользоваться речью.»

Энергия, копившаяся весь день, плеснула через край. Я почувствовала себя канатоходцем, который только что пересёк пропасть и ступил на спасительную платформу. Но впереди — новый участок. И ещё один. Одно неверное слово, одна фальшивая нота — и я полечу вниз. А падать сейчас не хотелось. Совсем.

Я перечитала ещё раз. Он продолжает — значит, зацепила. Готов к встрече — значит, или свободен, или ему плевать на запреты. Какое мне дело, в конце концов? Не настаивает на ближайших днях — даёт время. Втереться в доверие. Вы-

яснить всё, что нужно. А может, и чуть больше.

Следующее сообщение как будто само стекалось к кончикам моих пальцев:

«Одним сообщением напомнил целых три факта о себе: спортсмен, хороший друг и покоритель женских сердец. А говоришь, что изменился...

Как насчет пятницы? Где географически ты живешь, работаешь?»

Четыре дня — должно хватить. Он написал в 11:15, последний раз был в сети полчаса назад. Если б я ответила сразу, к вечеру было бы ещё одно сообщение. Ладно, завтра проверю днём.

Я вышла из аккаунта, прижалась к Саше — движение показалось странным, будто я играю роль. Закрыла глаза. Уснуть не получалось.

На следующий день, воспользовавшись переменной между 9 «Б» и 7 «А», я нырнула в свой инкогнито-аккаунт и, умирающая становящаяся уже привычной дрожь, открыла новое сообщение:

Ну у тебя и память, таинственная N. Пятница – прекрасный день, как и вечер. Живу и работаю в районе станции Динамо. Как правило это до семи вечера, поэтому, в зависимости от того, где ты назначишь встречу, можно прикинуть, сколько времени у меня уйдёт, чтобы добраться до места X.

Так-с, пока все по плану. Штирлиц в игре. Канатоходец балансирует дальше

Снаружи кабинета литературы уже ломались в дверь семиклассники, пытаясь, судя по доносящимся воплям, выломать эту самую дверь портфелями семиклассниц. Я взглянула на часы: 6 минут до звонка. Должна успеть. Ответ родился как будто сам собой:

«Динамо» и 19.30 меня вполне устроит. Выбирай конкретное место.

Думаю, об этом можно не писать нормальному мужчине, но все-таки прошу вне зависимости от исхода нашей встречи сохранить ее в тайне. Все-таки общих знакомых немало

А помню я тебя очень хорошо. Ты был совершенно бескомпромиссный: только черное и белое, серый цвет отсутствовал в принципе. Сейчас, наверно, этот максимализм поугас (как и во мне). Еще ты все время шутил — прятал за этим свою скрытность, я думаю. В действительности о тебе знали очень мало. А еще так хорошо помню твои руки наверно, даже сейчас их из тысячи узнаю»

Отправила. И только потом поняла: я ведь ничего не спросила. Ни про жизнь, ни про работу, ни про увлечения. Не в ту сторону понесло. Ладно, зато так правдоподобнее.

Я скользнула взглядом по зеркалу — прическа, одежда в порядке. Повернула ключ, и в этот момент дверь чуть не снесла меня с ног — семиклассники ворвались, как стадо бизонов.

— Начнём с домашнего задания. Кто расскажет, что такое былина?

Урок шёл, но я слышала их как будто издалека. Кивала, задавала вопросы, ставила оценки — и всё это будто не со мной. В голове крутилось другое: «руки... из тысячи узнаю».

Навык активного слушания сегодня провален. Навык присутствия — тем более.

После уроков я брела домой — тёплый воздух обтекал лицо, руки, шею. Пожалела, что забыла наушники, и тут же подумала: а вдруг там уже ответ? Для Татьяны Лебедевой.

Ответ ждал! Я растянулась в улыбке — наверно, со стороны выглядела дура дурой. Неужели из-за меня он стал заходить в сеть чаще? Точно сработал крючок!

Впилась взглядом в экран, плюхнулась на лавочку и только потом почувствовала: щепка впилась в ногу сквозь колготки. Больно. Но читать-то надо!

Ах, черт с ней, что там в сообщении?

«За неразглашение не переживай. Вопросы личной жизни — это личное. По поводу точного места встречи — ещё не придумал. Буду опираться на свои ощущения в пятницу. Напишу, наверно, здесь, поскольку других видов связи не предлагается.»

Даже интересен твой пост-релиз о моей личности после нашей встречи: что и как воспринимается сколько-то лет спустя. По всей вероятности, ты выросла, пережила мно-

го различных событий, поскольку я не могу идентифицировать тебя по стилю и характеру разговора.»

Ещё бы не выросла! Знал бы он, сколько бессонных ночей я провела из-за одного недоделанного режиссёра. Попробуй тут не измениться.

Хотя нет, дело не только в нём. Учёба, работа, книги, путешествия, друзья — всё это меня лепило. Но он был тем первым кирпичом, с которого всё началось.

Дворовый черно-белый кот внезапно прыгнул на лавочку и примостился рядом, томно прикрыв глаза.

Но Сашка — он же главный. С ним я перестала переживать по пустякам, стала спокойной и счастливой. Да, конечно, Саша.

Только вот он как-то не резонировал с тем, что сейчас со мной творилось. И делиться этой историей — уже не хотелось. Даже посмеяться вместе — не хотелось.

Что, собственно, произошло? Несколько сообщений, ничего не значащих. Ладно, почти ничего. Игра на пару дней. В пятницу всё закончится, и я вернусь в свою спокойную, тихую, счастливую жизнь. Маленькое авантюрное приключение. Сумасбродство, которое я себе позволила.

Хм, действительно, я взрослая, уверенная в себе, привлекательная. Могу же я хоть раз в жизни сделать так, как я хочу!

Я начала думать, что ответить. Так, ты, значит, про пост-релиз и идентификацию Хорошо, пусть будет так:

«Да какой там пост-релиз после одной встречи. Этого времени хватит разве что наскоро обменяться рассказами о произошедшем — слишком много времени пролетело.

Ну а по поводу "выросла" — было бы странно, если бы этого не случилось. Кстати, если ты боишься, что количество прибавленных морщин и килограммов коррелирует с количеством прошедших лет, спешу тебя успокоить. Сейчас я как минимум не менее привлекательна, чем тогда (и чуть более нескромна, видимо). Да и возраст мой еще какое-то время будет начинаться на цифру два.

Очень интересно, как проходит процесс идентификации. Недостатка в девушках у тебя не было, насколько я осведомлена. Сидишь, всех вспоминаешь? Есть ли какие-то фаворитки, которыми с большей вероятностью могу я оказаться? Или даже, может, которыми бы ты хотел, чтобы я оказалась? Не бойся, вопроса об оправдавшихся ожиданиях при встрече не будет.»

Почувствовав себя как будто сильнее, больше, мощнее, я вскинула вверх подбородок и выпустила свое послание в сеть. Почесала незнакомого кота за ухом, получив в ответ удовлетворенное урчание, встала и продолжила свой путь.

Ужин вызвался готовить Саша. На кухне он появлялся редко, но всегда с точным расчётом: мясо — строго по таймеру, рыба — ровно три минуты с каждой стороны. Я говорила, что закапывать такой талант — преступление. Он в

ответ: «Ты просто хочешь делегировать обязанности». Беззлобно, но с системным подходом.

Не скажу, что такой сексизм мне откликнулся, но, признаться честно, бытовых повинностей у меня действительно было не так много, а загрузка на работе не космическая. Поэтому обеспечение семьи едой я спокойно брала на себя.

А вот если за дело брался Саша, значит, есть какой-то повод. «Серьезный разговор», как он это называл. Обычно это вызывало покалывающее чувство предвкушения: за ужином он мог объявить об очередном повышении на работе или предложить что-то новое и масштабное. Именно так когда-то мы приняли решение о покупке квартиры и дорогостоящем отпуске.

Сейчас ужин от мужа почему-то вызвал тревогу. Как будто на нем могут быть озвучены не только хорошие новости. Странно, почему это?

Так как от кухни я была отстранена, появилось время уединиться в спальне и заглянуть на страницу Тани Лебедевой. Кокос, соскучившийся за день по людям, развалился рядом и требовал внимания. Одной рукой я погрузилась в его мягкую шерстку, а другой вводила пароль.

Радость от нового сообщения сразу же лишила кота моих поглаживаний и затмила все тревоги и волнения по поводу предстоящего серьезного разговора с Сашей.

«Про морщины и прочие отложения я даже не начинал думать. Это девчачий удел. Если мы с тобой общались –

значит, ты была привлекательной, тем более, ты говоришь, что наши отношения зашли в какую-то даль. Или даже глубь...? Насчет идентификации – не думаю об этом, чтобы не накручивать. В этом смысле тебе проще – ты видишь обоих собеседников, я только одного — себя.

Благо, память оставляет в голове в основном хорошие воспоминания о человеке.»

Глубь Это слово отозвалось терпким ощущением, которое мгновенно сконцентрировалось где-то в районе низа живота.

Глубь

— Женя, все готово, пошли, — донеслось из кухни, и я чуть не выронила телефон из рук. Так, ответить придется уже перед сном.

На столе ждали два фужера красного вина, две тарелки с запеченной на гриле красной рыбой и салат из красных овощей: помидоров и болгарского перца. Запах стоял умопомрачительный – удивительно, как это я его не почувствовала из комнаты.

— Ого, какая красота, — искренне улыбнулась я.

— Шеф Александр только сегодня и только для вас, — ответил мне не менее искренней улыбкой муж, и сердце от чего-то на секунду сжалось в комок. – У меня есть тост!

— Неужели это и будет наш серьезный разговор? — игриво спросила я. – Или сегодняшний кулинарный шедевр просто так, без повода?

— Так, дай мне сказать, пока я настроился. Не задавай

лишних вопросов. — посерьезнел Саша. — — Женя, мы вместе почти десять лет. Для меня это был период стабильности, взаимопонимания и борьбы с пустыми коробками из-под молока, — он попытался сохранить серьёзность, но не выдержал, фыркнул. — В общем, период счастья. Если смотреть рационально: мы здоровы, активны, психически устойчивы. Я проанализировал и понял: мы готовы к следующему этапу. Пора передавать этот набор качеств дальше, через гены.

Я замерла с дурацкой улыбкой на лице, не в силах сделать очередной вдох. Сознание отчетливо фиксировало крики детей с улицы, отражение окна в металлической поверхности кухонного крана, послевкусие вина на языке. Не знаю, заметил ли муж, но я прямо чувствовала, что мои губы улыбались, а глаза нет. Я понимала, что нетеатральная пауза длится уже намного дольше, чем нужно, а я всё не могу сбросить с себя ступор и сказать хоть что-то.

— Эй, ты чего застыла? Не пойму даже, от счастья, шока или от чего?

— Да просто — еле пролепетала я. — Неожиданно как-то.

— Я знаю, что обычно ты поднимала эту тему, а я все просил подождать. А вот сейчас понял, что пора к ней вернуться. И решил немного придать торжества моменту, — сконфуженно кивнул он на стол.

Я кожей чувствовала всю неловкость ситуации. Уверена, Сашка ждал, что я вскрикну от радости, брошусь на него. И мы прямо тут, среди остатков ужина, примемся претворять

его предложение в реальность. В груди как будто копошилась стая мошек. Я лихорадочно думала, что сказать.

— Ты всё сделал идеально. Лучше не придумать! Просто я правда не ожидала. Начало года, конкурс, планы — голова забита другим. А тут такое заявление — как обжигающий душ. Не ледяной, а контрастный, знаешь? Прости, ты, наверное, другой реакции ждал, — мое лицо выразило искреннюю жалость и мольбу о прощении. Кот из «Шрека» мог бы мне позавидовать. Я почувствовала, что получилось взять эмоции под контроль.

— Ну, честно сказать, да. Я думал, ты более благосклонно встретишь мое предложение. Наверно оно и правда было слишком неожиданным. Я не хотел тебя огорошить, — попытался он разрядить атмосферу. — Давай договоримся, что мы сейчас не будем продолжать эту тему. Когда ты будешь готова, разгребешь свои дела, мы к ней вернемся. И не раньше!

Чувство облегчения мгновенно разлилось по телу. Сашка, какой же он замечательный! Я наверно в прошлой жизни была военной медсестрой или держала приют для бездомных детей. Иначе за что бы он мне достался

— Да, это будет замечательно! Я даже не знаю, почему такотреагировала. Наверно, мне просто нужно немного пожить с этой мыслью, потому что это большой шаг. Нам же еще не нужно торопиться с этим? — заискивающе посмотрела я на него.

— Мы можем ждать столько, сколько нужно! Хотя двести оставленных в холодильнике пустых коробок от молока, хоть тысячу, — он снова не сумел сдержать серьезное лицо, и мы вместе от души расхохотались.

Сейчас мне кажется, что произошёл этот разговор на пару недель пораньше — до злополучного письма — то ничего бы и не было дальше. Меня бы охватил азарт подготовки к совсем новой жизни — во всех возможных смыслах — и не осталось бы в ней места и эмоций для Андрея и всех событий, которые затем произошли.

В тот вечер я чувствовала к Саше такую благодарность, такую нежность. Пока не вспомнила: надо ответить Андрею. И тут же что-то кольнуло под рёбрами — коротко, но ощутимо. Вина? Или просто напоминание, что есть ещё одна реальность?

Уже в кровати, в ожидании, пока муж уснет, я ещё раз напомнила себе, что ничего предосудительного не делала. Что просто на несколько дней нырнула в свое прошлое, чтобы потом встряхнуться, как кошка после ванны, и пойти дальше жить свою прекрасную жизнь и делать ее еще более прекрасной.

Итак, что он там писал? О том, что ему сложнее, потому что он не знает, с кем общается. И еще про то, что о человеке остаются обычно хорошие воспоминания.

Что ж, учитывая нашу историю — сомнительно. Если ты просто так, на пустом месте, оборвал общение с человеком,

с которым был близок, вряд ли потом будешь его вспоминать добрым словом.

«К последнему утверждению мы обязательно вернемся после того, как увидимся.»

Ситуация, при которой я знаю, с кем общаюсь, а ты нет, кажется мне более выигрышной именно для тебя, как бы это парадоксально ни звучало. Я общаюсь сразу с двумя: с тобой настоящим и с тем, каким я тебя помню. На тебя же прошлое не давит – перед тобой новый человек (а, сказать честно, от той меня сейчас осталось немного).

Единственный же мой бонус в том, что я могу вспоминать моменты тех далей и глубин, до которых мы дошли с тобой. Ну и представлять те, до которых мы так и не добрались. Приятный, надо сказать, бонус

Надеюсь, я заслужила его хотя бы тем, что переступила через себя и написала тебе.»

Перечитала и поняла, что сообщение получилось довольно игривым. Видимо, красное вино всему причина. Чувство сконфуженности уже оставило меня, настроение и правда было совсем не сонное, и в голове заиграла старая песенка, которую сегодня подкинула Алиса:

Ты — мой гость непрошенный,
Девочка из прошлого,
Мне не говори «прости».
Лучше по-хорошему,
Девочка из прошлого,

Уходи.

Я снова зашла в диалог, прикрепил этот трек и отправила следом за сообщением.

1 апреля 2025, 07:57. Саша

Саша собрал обрывки, разложил на столе. Брови сведены к переносице.

Объяснить мог только один человек. Саша набрал номер жены. Автоответчик пропищал: «Абонент недоступен». Саша опустил телефон.

Несколько минут он смотрел на бумажное панно. Некоторые кусочки, лежавшие рядом, создавали законченные фразы. Другие были лишь непонятными обрывками текста.

Саша посмотрел на часы. Помедлил. Взял телефон, набрал другой номер. Длинные гудки. Потом заspanное, злое:

— Ты время видел, сатрап?

— Арин.

Пауза. Она ждала.

— Женя у тебя?

— С чего бы?

— Мне кажется, что-то случилось. — Пауза. — У нас последнее время всё как-то странно. Сегодня проснулся — её нет. Телефон отключён. В мусорке нашёл порванное письмо. Там про её школьного бывшего. Кажется.

— Вот дура, — выплюнула трубка.

Саша молчал. Потом тихо, очень тихо:

— Говори.

— Я — она запнулась. — Мы полтора месяца не обща-

лись. Я правда не знаю.

— Арина. Моя жена исчезла ночью. Телефон отключён. В мусорке письмо. К чёрту женскую солидарность. Говори.

— Она моя подруга. Я не могу.

— Это он? Как его там зовут

Молчание.

— Андрей.

Саша закрыл глаза на секунду. Открыл.

— Давно?

— В сентябре она просто вспомнила. Письмо нашла. А потом Не могу. Прости.

— Она с ним с сентября?

— Нет, нет! Саша, нет! Она тогда Она просто вспомнила про него. Письмо это ей на глаза попало. А потом Не знаю...

Саша нажал отбой. Швырнул телефон в стену. Телефон упал на пол. Стекло треснуло. Саша сидел за столом, глядя на обрывки письма, и не двигался.

11 сентября 2024. Женя

Утром среды ответа всё не было. Андрей с ночи не заходил в сеть. Ничего страшного, подумала я, и пошла на работу.

Ничего страшного, подумала я, и пошла на работу. На переменах рука сама тянулась к телефону. Проверить. Ещё раз. Нет, пусто. Разочарование было острым, как голод. Но я же решила позволить себе маленькое приключение. И все тут!

День сменялся вечером, и потребность смотреть, не появилась ли заветная «единичка», была так высока, что я даже не выходила из аккаунта Тани – эта сложносочиненная процедура не давала возможности проверять новые сообщения с той частотой, с которой меня тянуло это делать.

Сегодня Саша встречался с бывшими одноклассниками. Правильнее даже сказать, что это его друзья – практически единственные, которые не были для нас общими. Мы почти не гуляли порознь, и нас обоих это устраивало. Исключением были вот эти встречи одноклассников раз в один-два месяца. Я никогда не была против них, и обычно ходила в этот вечер в кафе с Ариной. Сегодня не стало исключением.

Арина тараторила про очередного «того самого» — теперь это был какой-то адвокат с яхтой. Я кивала, поддакивала, но краем уха ловила только ритм, не смысл.

— А у тебя что? Молчишь сегодня, — вдруг перебила она

сама себя. — Ну-ка выкладывай.

— Да попробуй тебя перебей своим рассказом, ты же как танк, когда про своих мужиков говоришь! — рассмеялась я в ответ. Весь день не могла решить, признаться Арине в том, что инициировала общение с Андреем, или нет. Придумала уже сотню аргументов «за» и «против», но до сих пор не определилась.

— Ну ты же знаешь, меня обязательно надо перебивать, если есть что-то интересное! А я прямо чувую, что есть. Выкладывай! — слегка стукнула подруга кулаком по столу, не оставив мне выбора.

Аринка — она снаружи громкая, разбитная, коллекционирует мужчин с деньгами. Но внутри — тонкая, сломленная. Когда-то её предали перед самой свадьбой. Она тогда несколько месяцев ни с кем не общалась, а потом как будто заново родилась — яркой, дерзкой, неуязвимой. И только я помню, какой она была до.

— Да я тут одну игру небольшую затеяла, — выдохнув, произнесла я. — Андрею написала.

— Чего? — у Арины глаза чуть не покинули орбиты. — Зачем? Он тебе сердце разбил, а потом еще и все общение прервал!

— Я писала не от себя, — вместо долгих разъяснений я протянула ей телефон с открытой перепиской. Арина прочитала все буквально за несколько секунд. А на меня свалилось такое удивительное осознание: всего пять дней пролетело,

как я впервые написала ему, а ощущение такое, что прошла целая вечность. Ожидание его сообщений, мое обдумывание ответов и снова ожидание растянули время, словно кто-то до предела надул воздушный шарик. Как будто он до этого болтался скукоженный, а теперь наполнился, стал большим. Неужели всего до пары мгновений можно было свернуть всё это глубокое, раздумчивое, томное, что со мной было в последние дни?

— Ты дура, — отчеканила она, швырнув телефон обратно. В глазах на секунду мелькнуло то, что я видела всего несколько раз за все годы: старая, незажившая боль. — На хрена?

— Просто интересно стало, какой он теперь. Ты сказала — развёлся, и меня понесло. Хотелось посмотреть, как он пишет, изменился ли...

— И что, посмотрела? — Арина скрестила руки на груди. — Глубины ей подавай! Идентификации!

— Тсс, ты чего кричишь на всё кафе, люди оборачиваются. — шикнула на нее я. — Ну, я просто решила для начала немного втереться в доверие, чтобы потом все узнать.

— В доверие она решила втереться! И что, в Москву в пятницу попрешься? — Арина наклонилась к самому моему лицу и смотрела точно в глаза. Я чувствовала на себе ее осуждающее дыхание.

— Нет, конечно! Это просто предлог. Просто чтобы был повод пообщаться в дни ожидания встречи, которой, есте-

ственно, не состоится, — я оправдывалась как маленькая девочка, застигнутая с недоеденной конфетой во рту.

— Ага, оно и видно! Вон сколько вопросов про работу, увлечения, друзей. Шквал прямо! — съязвила подруга и картинно отвернулась к окну. — А Саша что об этом всем думает?

— Да я в начале даже хотела рассказать ему, а потом как-то не срослось — еще тише, еще неувереннее прошелестела я.

— Еще бы! Очень ему бы понравились эти глубины и идентификации!

— Ладно, Арин, я поняла. Заигралась, — я опустила голову, как провинившаяся собака.

Взгляд уткнулся в телефон. И зацепился.

Там, в углу экрана, горела долгожданная единичка.

Сердце подпрыгнуло и забилось где-то в горле. Я сглотнула, заставила лицо остаться спокойным.

— Я в туалет, — улыбнулась я как можно беззаботнее и, прихватив телефон, скользнула со стула.

Заперевшись в кабинке, я открыла новое сообщение:

«Хороший слог. Складно говоришь и практически безупречно — это в приятном смысле режет слух. Ощущение, что ты журналистка. Может ты и права: пока я тебя "вновь" не знаю, мне легко говорить, что чувствую. Но почему-то отсутствие реального человека перед глазами не позволяет перевести тебя из ряда "чужих", "незнакомцев"»

в знакомые, близкие, родные. Послезавтра, возможно, это случится в секунду, когда увижу тебя. Почему ты говоришь "переступила себя" – я был сволочью и обидел тебя тогда? Прости, если так.

А песня классная. Атмосферная. Думаю, мы станцуем под неё – независимо от исхода нашей встречи.

Я сегодня очень устал на работе. После разрыва работа — это единственное, что не предаёт. Надеюсь, у тебя день был легким, Девочка из прошлого.»

Времени на то, чтобы посмаковать его со всех сторон, не было, и я направилась обратно к подруге, вытаскивая из памяти обрывки только что прочитанного: «хороший слог», «говорить, что чувствую» и особенно «станцуем» – как тонко, сладко, звонко оно пульсировало в моей голове.

— Ну что, присмирела? — Арина прищурилась, глядясь в моё лицо.

— Ты меня так отчитала, что теперь только в монастырь, — я попыталась улыбнуться благодарно, покорно. — Сегодня же удалю страницу.

А внутри, как набат, как тонкая проволока по стеклу: станцуем-станцуем-станцуем.

Теперь мне нужно было только одно: чтобы Арина поскорее ушла. Остаться одной с этими буквами, с этим «станцуем», с этим тонким, звенящим чувством, которое уже не помещалось в груди.

Я дотерпела до дома. Саша сказал, что вернётся поздно, — значит, у меня есть время. Мне хотелось растянуть каждую минуту этого ожидания, чтобы потом, не торопясь, снова вчитать сообщение и придумать ответ. Игра словами, налёки, полутона — отдельный кайф. И то, что Андрей заметил именно слог, вознесло меня на вершину моего личного Олимпа.

Я не спеша разделась, приняла душ, прибралась. И только потом позволила себе снова открыть его сообщение. Перечитала раз. Два. Три.

Так, детка, теперь надо держать марку. Твои послания должны оставаться интересными, красивыми и сногсшибательными. Уверена, ты справишься!

«Про слог очень лестно, как будто прямо знаешь, куда бить. Видимо, не зря были мои многочисленные обучения и не одна сотня прочитанных за последнее время книг. Но нет, не журналистка.

А в послании своём ты поторопился дважды. Во-первых, переводить меня в разряд близких и родных, думаю, рановато, как бы многообещающе ни началось наше новое знакомство. Как бы потом не кусать локти.

Во-вторых, извинение твоё уж больно голословно, а от того не многого стоит. Ведь, вполне возможно, за то, чем ты мог меня обидеть, ты в действительности не готов просить прощения.

Ну и раз упомянул работу – расскажи, чем ты теперь

занимаешься? »

Отправила, потом перечитала своё сообщение ещё раз, довольно хмыкнула и уже собралась выйти из аккаунта, как вдруг — единичка. Он ответил. Прямо сейчас.

В превью мелькнула ссылка. ВК показывал: Андрей печатает.

Я вдруг испугалась. Прямой эфир — это не игра в отложенные ответы, где можно отточить каждую фразу. Тут надо быстро, без подготовки. А я не готова.

Решила подождать, пока он допишет, и пошла кормить ко-та.

— Это ты виноват, — сказала я Кокосу, насыпая корм. — Раскидал вещи, подсунул мне письмо. Теперь я как дура, одиннадцатиклассница, вся на нервах.

Кокос с жадностью поедал предложенное лакомство, а я увидела, что Андрей уже, кажется, написал все, что хотел — рядом с его именем не было зеленого значка «онлайн».

Я открыла сообщение. В нем была ссылка на сайт «Дома знаний» — я, разумеется, слышала о нем раньше. Федеральный проект, в рамках которого сначала в Москве, а потом в регионах открывали современные образовательные центры: пространства, где можно проводить выставки, лектории, мастер-классы, мультимедиа-проекты. Классная площадка, которую мы ждали и у себя в городе, да вот пока везло больше другим регионам.

Далее следовало его пояснение:

«Работаю в «Доме знаний» – открываем по всей стране вот такие центры. Я курирую новые проекты: согласование с администрацией, подготовка площадки, запуск.»

И всё? Ни вопроса, ни намёка на личное. Как будто отчитался на собрании и отключился.

В груди что-то ёкнуло и упало. Ощущение обмана, нехватки — как у человека, который очень ждал чего-то, а получил пустоту. Организм требовал сатисфакции, и я написала такой ответ:

«Я слышала про вас и была в московском «Доме знаний». Классный проект. А ты, видимо, big boss ?

Кстати, у тебя тут, кажется, не совсем актуальные снимки. Пришли своё более свежее фото, хоть посмотрю на тебя. А то в пятницу не узнаю и мимо пройду

Ну и спокойной ночи. Хотя читать ты это будешь, наверно, уже добрым утром, так что желаю и его.»

Да, его фотография станет неплохой расплатой за это куцее и безжизненное сообщение про работу. Эх, жалко только, что это будет лишь завтра.

Саша пока не вернулся, и я засыпала одна со странной смесью из легкого разочарования и приглушенного ожидания в душе.

— Эй, ты чего вчера так поздно вернулся? – спросонья пробормотала я, нащупав утром мужа рядом с собой.

— Да не знаю, что-то засиделись. Пацаны тебе привет

передавали, кстати, — бодро ответил он. Оказывается, уже проснулся и с серьезным видом залипал в телефон.

— Еще и встал рано. Ты хоть выспался?

— Вполне. Завтрак приготовишь?

— А у меня есть выбор?

Лениво перебирая ногами, я направилась в ванную.

— Как там у Аринки дела? Небось, опять потенциальный суженый на горизонте появился, — крикнул муж из спальни.

— Ага, именно так, — промямлила я ртом, полным зубной пасты.

Пока я водила щеткой из стороны в сторону, пришла неожиданная мысль: интересно, не вздумает ли подруга все рассказать Саше? С нее станется! Нет, с целью разбить наше семейное счастье она этого, конечно, не сделает. Но что, если решит таким образом меня полностью отвадить меня от общения с Андреем? Сдать меня мужу, пока еще история вполне невинна, чтобы у нее не случилось продолжения? Вполне вероятно, что она вчера не поверила моим обещаниям прервать диалог.

На душе заскребли кошки сожаления. Сожаления не о том, что я заварила эту кашу, а что призналась Арине. Всегда себя с ней чувствую меньше, тише, покорнее, чем есть на самом деле. Сгибаюсь под ее бешеным напором, как тоненькая травинка на ветру. И теперь из-за этого мучиться сомнениями, не выдаст ли она меня. Ужасно, просто ужасно!

— Сашка, пошли есть, — крикнула я в спальню. Погру-

женная головой в размышления, завтрак я приготовила на автомате, даже не спросив, что желает муж.

— Омлет? — он поковырял вилкой. — Вчера же был.

— И что? Вкусно же, полезно. Можно и два дня подряд.

Я с преувеличенным аппетитом отправила кусок в рот, изображая наслаждение.

Четверг тянулся, как резина. Я ждала фото. Просто ждала, не задавая вопросов.

На уроках ловила себя на том, что смотрю сквозь учеников, а рука сама тянется к телефону. В учительской кивала коллегам, не слыша ни слова. По дороге домой споткнулась о бордюр — потому что глаза были в экране.

С трудом, но наступил вечер. Саша пожелал мне спокойной ночи и, немного поковырявшись в телефоне, заснул. Это уже стало привычным в последние дни.

Я обновляла страницу каждые пять минут, потом каждые две, потом каждую минуту. В комнате было прохладно, но простыни подо мной горели, и я переворачивалась с боку на бок в том же ритме, что и обновляла экран.

Когда я устала монотонно крутиться в кровати, а на моем большом пальце уже почти образовалась мозоль, то встала, чтобы попить воды. По дороге взгляд упал на лежавший на подоконнике ноутбук, и мне пришла в голову мысль, как скоротать время.

С самого детства я коллекционирую фотографии и видеозаписи, связанные с моей жизнью, сортирую их по темам и

трепетно храню. Мне кажется, когда я буду старой и выйду на пенсию, то сяду спокойно в кресле-качалке на веранде с видом на море и буду пересматривать всю свою жизнь. Поэтому переживание, что с этими файлами что-то случится — пожалуй, один из самых серьезных страхов в моей жизни.

Я включила ноутбук и открыла папку «Театральная студия». Сотни миниатюр — два года жизни, упакованные в пиксели. Вот мы на репетиции «Горя от ума», я ещё в масковке, Андрея нет. Вот разгневанные лягушки — упражнение по актёрскому мастерству, все в кучу, юные, смешные. Вот выезд на природу: беседка, стол с едой, гитара.

А вот и актёрский зал: на сцене невысокий парень что-то увлеченно рассказывает, а мы, школьные актеры, сидим на первых рядах, замороженные. Это начало моего второго года в студии — у Людмилы Павловны появился ассистент, выпускник нашей школы, когда-то игравший в настоящем театре. Он приходил нечасто, но каждое появление было как фейерверк: все оживали, двигались быстрее, а девочки старались выглядеть ярче.

Он действительно обращал на кого-то внимание: сначала Маша, потом Надя, потом Ленка. Но симпатия никогда не была явной — на людях он держал дистанцию, играл серьезного преподавателя. Впрочем, скрыть что-то в школьном театре невозможно, и мы всё знали. Знали и то, что за пределами студии у него хватало девушек — в женском внимании он никогда не нуждался.

Очередной кадр: Андрей крупным планом. Синие глаза, в которых — вся сила мира, готовность покорять непокоренное. Не помню, играл он или просто говорил, но на лице такая уверенность, такая непоколебимость! Волосы отросли, вьются, будто хотят разбежаться от напора. Овал лица твердый, даже чересчур.

А вот и мое любимое фото. Мы с Андреем на репетиции «Маленького принца»: он стоит сзади, близко, держит мои руки — показывает пластику Розы. Свет падает так, что в его глазах пляшут огоньки. Я вдруг снова там, на школьной сцене: ноги подкашиваются от его близости, волосы вздрагивают от дыхания, его пальцы на моих руках, и вся энергия стягивается к низу живота. Именно после этой репетиции всё и началось.

Взгляд упал на телефон. Значок непрочитанного. Я даже не заметила, как пролетело время.

Выключила ноутбук — кнопка была холодной, металлической. Взяла телефон. Он горел в темноте, как маяк.

В сообщении — только фото. Больше ничего.

Синие глаза. Знакомые и чужие одновременно.

С экрана смотрел мужчина. Морщинки у глаз, у рта. Взгляд — усталый, с глубоко закопанной болью. Улыбка вынужденная. Борода с серебристыми нитями.

Я впервые за неделю осознала: ему тридцать два. Он разведён. У него за плечами — жизнь, о которой я ничего не знаю.

Это не тот кудрявый парень с огоньками в глазах. Не романтик, который легко увлекался и легко бросал.

Я переписывалась с призраком. С тем, кого больше нет .

Кто ты, чужой человек? Что ты пережил и откуда эта тоска в твоих глазах? Что не дает тебе спать по ночам? Кто занимает твои мысли и твое сердце?

Я чувствовала полнейшую растерянность и замешательство, к горлу как будто подступала тошнота. Я машинально включила спасательный режим «разложи всё по полочкам» и вызвала своего внутреннего аналитика. Как будто очередная личность Билли Миллигана должна встать на пятно.

Итак, во время нашей истории ему было двадцать два, прошло десять лет. Значит, сейчас ему тридцать два. Точнее, будет тридцать два в октябре. Это меня немного ошарашило: среди моего окружения никто еще не перешагнул тридцатилетний рубеж. Саше это совсем скоро предстояло, но все-таки его возраст еще начинался на двойку. А тут Как будто человек с другой планеты – планеты тех, кто пошел на четвертый десяток жизни. Тех, кто пережил не только счастливый брак, но и развод. А может даже

Меня словно окатило: может, у него и дети есть? К такому мой аналитик был не готов

Перед глазами всплыла фотография, которую я видела буквально несколько минут назад: молодой, яркий, улыбочивый, готовый на подвиги Музейный экспонат!

Да, человек из прошлого, которого больше не существу-

ет. С табличкой «extinct». Вместо него – уставший, разведенный, настороженный, с багажом пережитого.

Минуты шли, а я тупо смотрела на него и не могла пошевелиться. Я расплескала всю себя в этот вечер. Сначала на путешествие по реке воспоминаний, а потом на то, чтобы принять суровую реальность: я переписываюсь с тридцатидвухлетним мужчиной, имеющим за плечами свою личную историю.

Как последний удар пришло еще одно осознание: завтра – это уже пятница, а значит последний день нашего общения. Мне нужно будет, сославшись на форс-мажор, отменить встречу, после чего он вряд ли захочет продолжать диалог. А у меня за прошедшие несколько дней появился ответ всего на один интересовавший меня вопрос – о его работе. Зато новых непонятностей появился еще десяток после его печального взгляда на фотографии.

Мне вдруг пришла идея. Я бесшумно выбралась из кровати и пошлепала босыми ногами обратно к ноутбуку. Включила его, зашла всё в ту же папку и отправила самой себе в мессенджер портретное фото Андрея, которое сегодня так долго разглядывала. Вернувшись в постель, я открыла графический редактор на телефоне и обрезала снимок, оставив только лицо и плечи – так, чтобы было не понятно, где и при каких обстоятельствах сделано.

«А для меня ты пока еще какой-то вот такой. Где и когда сделано это фото, понятия не имею. Как и о том, откуда

оно у меня взялось и почему так долго хранится. К нашей с тобой истории оно отношения не имеет.»

Прикрепив снимок к сообщению, я отправила его.

13 сентября 2024. Женя

Утром я собирала себя по частям. Приготовила Саше завтрак, сама не съела ни куска. По дороге в школу решала: когда сказать ему, что встречи не будет? В четыре? В половине пятого? Главное — чтобы он успел ответить на моё вчерашнее фото. Может, ещё успеем пообщаться.

Так и получилось: первый урок еще даже не начался, а я получила ответ:

«Интересно. Внутри я, кажется, пока такой же улыбочивый, как на этом древнем фото.

Предлагаю сегодня в 19.30 встретиться вот тут»

Дальше следовала ссылка на небольшое уютное кафе недалеко от станции «Динамо». Я стала рассматривать интерьеры на фото и представлять, как бы мы сидели с Андреем за столиком у окна и заново знакомились друг с другом.

Погрузиться в мечты слишком глубоко не дал звонок на урок. Впустив восьмиклассников и дождавшись, пока они рассядутся и утихомятятся, я ошарашила их новостью:

— А сейчас самостоятельная по «Недоросли», — объявила я, и класс взвыл. — Не пугайтесь, вопросы те же, что в домашке. Только письменно.

Я чувствовала себя последней сволочью, но мне нужно было ответить на сообщение. А лишняя оценка никому не повредит.

Я медленно ходила между парт, делая вид, что пристально наблюдаю за попытками списать. Мысли же мои были в этот момент очень далеко: в столичном кафе за столиком со своей повзрослевшей первой любовью.

За ночь я почти привыкла к мысли, что Андрей — другой. Не тот, кого я помнила. Интересно, а на меня настоящую он бы посмотрел иначе? Может, не волком? Хорошо бы проверить — случайно встретить, заговорить как ни в чём не бывало.

Картинка вспыхнула перед глазами: он сидит у окна, ждёт незнакомку. Дверь открывается — захожу я. Медленно подхожу, сажусь напротив, говорю: «Привет». И всё. Я даже не могу представить его лицо — он стал настолько чужим, что наша общая история только увеличивает расстояние.

Абсурдная мысль: а если? Я открыла сайт авиабилетов. Сегодня, дневной рейс — в 18:00 я в Шереметьево. А там до «Динамо» рукой подать. Тело отреагировало раньше, чем мозг: живот скрутило, ладони вспотели. Я физически ощутила турбулентность этой авантюры.

Так, детка, окстись. Ты чего тут удумала? Какой еще самолет и какая Москва? У тебя уроки сегодня, а вечером вы с любимым мужем хотели погулять на набережной.

— А если я тоже не хочу учиться, а хочу жениться, об этом можно написать? — заставил меня вернуться в реальность голос Вити Мануйлова и последовавший за ним смех его одноклассников.

— Как только пятерку за самостоятельную получишь, все девочки за тобой в очередь выстроятся, чтобы ты их замуж взял, — не растерялась я. — Правда, девочки?

Со всех сторон слышались неодобрительные возгласы. Предупредив, что осталось еще пять минут на работу, я уткнулась обратно в телефон и начала писать ответ.

«Очень милое место, договорились.»

Еще раз посмотрела на твое фото. В твоих глазах как будто тщательно скрываема печаль. Скажи, у тебя что-то случилось? Была какая-то трагедия?»

Да, спрошу напрямую, решила я. Понимала, что вероятность ответа минимальна, но все же стоило попробовать, раз сегодня у меня последний шанс.

— Ну что, сдаем листочки и переходим к новой теме

Одни восьмиклассники сменились другими, а потом пришел 9 «Б». Учительская жизнь предсказуема: ты всегда знаешь, с кем и чем будешь заниматься в каждый конкретный день. Ходишь по недельному кругу, пока не наступят каникулы. А потом — новая комбинация тех же классов, перетасованных, как кости в мешочке.

Отпустив 9 «Б» на следующий урок, я теперь ждала 7 «А». Хотя нет, ждала я на самом деле ответ Андрея, а сегодняшние уроки как будто просто были фоном. Главный вопрос был в том, успеет ли он что-то прислать мне прежде, чем придется писать сообщение об отмене встречи. У меня осталась еще маленькая надежда, что все-таки получится хотя

бы немного прикоснуться к его истории, по касательной за-
деть ее.

Надежды мои на то, что получу ответ вовремя, оправда-
лись, а вот на возможность узнать, что же у него случилось
– нет.

*«Давай это пока оставим за рамками переписки. Встре-
тимся, познакомимся заново – а там дальше разберемся.*

До встречи в 19:30, пока еще незнакомка.»

Ну вот и все. Финита.

Я сидела, глядя в одну точку. Тело не слушалось — будто
его залили бетоном. Минута, две? Наконец смогла перевести
взгляд на часы: 13:30. Если сорваться прямо сейчас, в аэро-
порт, купить билет...

Звонок взорвал тишину — я подпрыгнула. За дверью ора-
ли дети, ломались в класс. На негнущихся ногах я дошла до
двери, повернула ключ. Ещё одна самостоятельная – была не
готова вести урок.

Преодолев очередную волну праведного детского гнева и
удостоверившись, что все взялись за ручки и что-то упорно
строчат в листочках, я поняла, что пришло время для оче-
редного «военного совета» с самой собой. Сердце ныло на-
столько, что ничто другое, кажется, и не могло помочь.

Итак, детка. Во-первых, смирись, что скорее всего эта ис-
тория подходит к концу. Во-вторых, смирись, что из всего
того, что ты хотела о нем узнать, ты узнала чуть больше, чем
ничего. В-третьих, поздравь себя, что после этих странных

недельных «каникул» ты вновь вернешься к себе. Поиграла в Миледи, пора становиться Просто Женей.

— Евгения Александровна, у вас кровь идет — еле слышно пробормотала с первой парты Алина Милонова, сидящая прямо передо мной.

— Ой, правда. Спасибо, Алина. Продолжай работать, — я лихорадочно искала салфетки в ящике стола. Даже не заметила, как искусала губы до крови.

Вот тебе и Просто Женя. Нет уж, она осталась там, в 2014-м. Орошающая слезами подушку. Пора возвращаться в свои настоящие, правильные роли. Евгения Александровна такого себе не позволяет.

Нечего ждать до 16:00. Я схватила телефон и набрала текст.

«Тысячу раз прости меня, но встретиться не получится. Это не мой каприз, так складываются обстоятельства. Досада чувствуется почти физически... Надеюсь, ты прочитаешь это сообщение вовремя.»

Нажала на значок отправки.

В тот момент я была уверена, что окончательно и бесповоротно села в экспресс «Прошлое – Настоящее», который навсегда унесет меня от «Просто Жени» к «Евгении Александровне».

Ответ пришел почти мгновенно.

«Жаль. Неожиданно, конечно. Но мы же можем и в другой день встретиться? Или сегодня, но позже.»

Как же я была рада, что он так быстро отреагировал. Пока я еще не потеряла решимость, нужно было не дать свернуть этому поезду на запасной путь, с которого он опять покатится на станцию «Прошлое».

«Сказать «жаль» — не сказать ничего. Это моя последняя ночь здесь. Завтра я улетаю.»

Я держалась за свои «во-первых» и «во-вторых», как за щит от собственных эмоций. Когда пришло время объявить детям, что время закончилось, я вдохнула, выдохнула и, нацепив дежурную улыбку, продолжила урок.

Кое-как завершив рабочий день, я старалась забить голову чем угодно, только бы не думать об истории с Андреем. Вспоминала, какие завтра у меня классы, проверила запись в парикмахерскую на воскресенье, посмотрела погоду на ближайшие дни. Все, чтобы не думать о том, о чем очень хотелось. А начнешь думать – начнешь чувствовать. Чувствовать я не хотела.

Саша был уже дома, и я обрадовалась.

— Как день? — спросил он, не отрываясь от ноутбука.

Я разделась, умылась и легла рядом. Прижалась. Тихое, уютное, домашнее тепло.

— Нормально. А у тебя?

Он стал рассказывать, а я тонула в его голосе — не слушала, но чувствовала спокойное, размеренное счастье. Я любила его в этот момент, несмотря на все шероховатости.

Потом мы, как и планировали, прошлись по набережной,

болтали, и я как будто сбросила с себя всю последнюю неделю, эти переживания. Успокоилась.

Уже поздно вечером, после того, как Саша уснул, я все-таки решила в последний раз зайти в аккаунт Тани Лебедевой и посмотреть, есть ли какой-то ответ. Он был.

«В общем ничего особо непонятно, если честно. Поведение твоё неудовлетворительно. Вечер для меня разбитый. Если б было желание – ты нашла бы возможность увидеться. Далее с незнакомкой общаться не буду, уж прости. Приятное, видимо, закончилось. Или вскрывайся или рад был пообщаться. Пока-пока».

В грудь будто попала пуля — жгучая, точная. Я даже охнула. Ответ был жёстче, чем я ждала. Безапелляционный, в его стиле. Закрыла глаза, задышала глубоко, напоминая себе: я всё отпустила и завершаю свои каникулы в прошлое. В такт моему дыханию рядом делал вдохи и выдохи самый мой близкий на свете человек.

Оставалось поставить красивую финальную точку. Не униженно алкать новых сообщений, а уйти с гордо поднятой головой. Не мелочно обижаться на жесткость его слов, а смиренно принять ситуацию. И бежать, бежать к себе настоящей.

Сконцентрировав в себе всю энергию, которая так неожиданно вскипела во мне в последнюю неделю, я стала печатать.

«Единственное условие, которое я поставила себе, связы-

ваясь в эту авантюру, — что раскрою себя только при личной встрече. Нарушить его я не могу. Понимаю, что общение с призраком прошлого — не самое увлекательное времяпрепровождение. Прости, что все так вышло. Я сделала все, что было в моих силах.

Жизнь длинная, планета круглая — может, ещё встретимся. И станцуюм. Искренне желаю тебе большого счастья.»

Мне понравилось, как получилось. Я отправила сообщение и, пожалуй, только в этот момент осознала, что все закончилось. Это осознание свалилось на меня как бетонная плита, сравнив меня с полом. Я безрезультатно попыталась сделать вдох, еще один, еще и Слезы хлынули из меня настолько неожиданно, что я даже рассмеялась.

Оставшейся капли рассудка было достаточно, чтобы вскочить с кровати и выбежать в ванную. Не хватало еще, чтобы Сашка услышал мои стенания или почувствовал, как кровать сотрясается от моей дрожи.

В глазах как будто были мелкие осколки, которые резали все вокруг и от этого слезы текли еще сильнее. Я включила воду и стала ополаскивать лицо, чувствуя каждую каплю ледяной воды, которая попадала на кожу.

Я очень редко плакала и совсем не умела это делать. В какой-то момент я поняла, что сопротивляться бесполезно и нужно просто отстать от себя. Пусть текут. Когда-нибудь все равно устанут. Ничего не чувствовала, ни о чём не дума-

ла. Стояла, упершись руками в холодный кафель. Мир стал гулким, далёким.

Дыхание выровнялось еще не скоро, и только тогда пришли мысли. Я уцепилась за них, как за единственную опору.

Почему, ради всех святых? Откуда такая реакция? К чему вся эта жидкость, еще продолжающая по инерции катиться из моих глаз?

Неужели это чувства? Неужели что-то еще осталось в моей душе к Андрею? Неужели бушевавшее во мне 10 лет назад пламя не угасло еще полностью, а остался где-то в глубинах сердца тлеющий уголек, который я, сама того не понимая, за последнюю неделю снова разожгла?

Или просто все дело в том самом чертовом азарте, который двигал мной с самого начала? Неужели я так отреагировала на то, что игра окончена и теперь боюсь пустоты, которая останется на ее месте?

У меня не было ответа. Но одно, как мне казалось, я знала точно – я решила, что это закончилось и поставила ту самую финальную точку.

Ах, как же я фатально ошибалась. Это была запятая, да еще и далеко не последняя.

Утром голова гудела, как с похмелья – еле оторвалась от подушки. Тело не слушалось, еда была безвкусной, глаза припухли — напоминание о вчерашнем. Я существовала в густом молоке. Хотелось только одного: чтобы это кончилось

и вернулась нормальная Женья.

Хорошо хоть, что у Саши сегодня был выходной, и он мирно спал и не видел всего этого великолепия.

Свежий воздух — надо же работать в субботу! — немного привёл меня в чувство. Мозги скрипели, как несмазанный механизм.

— Точка поставлена, — напомнила я себе. — Тихая счастливая жизнь заждалась.

Солнце грело лицо, под ногами шуршали первые листья. Я чувствовала себя спасшейся с тонущего корабля — на суше, в безопасности. Но где-то глубоко зудела малюсенькая точка: «Там, откуда ты выбралась, была настоящая жизнь».

Чтобы заглушить этот зуд, я заняла себя под завязку: уроки, коллеги, планы, друзья, магазины. Ни минуты свободной.

Но внутри всё равно стучало: «ещё-ещё-ещё». Нутро, соскучившееся по эмоциям, требовало удовлетворения.

Как-то раз в середине следующей недели – прошло уже четыре или пять дней после моего финального сообщения Андрею – я не выдержала и, перед тем как принять вечером душ, зашла на свою секретную страничку. И обомлела: непрочитанное.

«Может быть.»

Сердце ёкнуло и понеслось вскачь. Два слова — а я физически ощутила, как меня тянут обратно, в ту яму, из которой я только что выкарабкалась. Вот уже руки на краю, грудь на земле, ещё чуть-чуть — и выползу. Но кто-то схватил за но-

гу и тянет вниз.

Я дёрнула ногой, пытаюсь скинуть то, что тянуло вниз. Всё, хватит. Назад не вернусь.

Встала под душ, сделала воду ледяной. Тело покрылось мурашками, но внутри вибрировало что-то другое — не страх, не боль, а ток, требующий выхода. Нужно что-то сделать, чтобы снова почувствовать землю.

Вышла из душа, подняла глаза к зеркалу — и замерла. Вся в каплях, но холода не чувствовала. Смотрела долго, пытаюсь понять, что изменилось. Волосы липли к щекам, я смахнула их — жест вышел резким, чужим.

И увидела: в глазах появилась дерзость. Решимость. Желание сворачивать горы.

— Откуда это, детка? Вкусила авантюризма — и он уже отпечатался на лице?

Взгляд скользнул по волосам: раньше светло-русый казался благородным, а теперь — блёклым, безжизненным. На фоне новых огоньков — просто пыль.

В груди стало тесно от воздуха. Простая, гениальная идея: мне не подходит моя внешность! Не хватает яркости, дерзости, контраста.

Я почувствовала себя женщиной перед прыжком. Той, что готова изменить всё, даже если дорога ведёт в неизвестность.

Азарт снова разлился по венам, но я даже не заметила — слишком поглотилась новой авантюрой. Выбрать образ, записаться в салон, заказать косметику. Саше — ни слова. Сек-

рет — отдельный кайф, как в детстве прятать под одеялом запретную книжку.

Я смаковала идею: пересмотрела сотни референсов, мысленно примеряла цвета. Записалась на урок макияжа к знакомой, окрашивание отложила на следующее воскресенье. Надо растягивать удовольствие.

Дни как будто обрели краски, объем, звучание. Окружающие замечали, что я стала более энергичная, веселая, легкая. Сашка любовался мной каждый вечер и говорил, что не понимает, что со мной произошло, и это ему и нравится, и пугает одновременно. Хотя внешних изменений еще никаких не произошло.

После курса макияжа — целая наука! — я заказала кучу косметики и ждала дня X. Когда из невзрачной учительницы превращусь в смелую, искрящуюся. Чтобы «снаружи» наконец совпало с «внутри».

В парикмахерской меня отвернули от зеркала, как в телешоу. Я сидела в кресле и перебирала в голове последние недели: письмо, Андрей, переписка, финал, тоска... И вот — желание стать другой. Яркой, дерзкой. Такой, какой, оказывается, всегда была внутри.

Как-то оно во мне 27 лет пряталось, и только странные события последних недель вытащили все на поверхность

Неожиданная змейка сомнения начала закрадываться в сердце: а вдруг превращусь после этих перемен в посмешище? Буду выглядеть как клоун? Или как подросток, который

в знак протеста всем и вся решил покрасить волосы?

Из моих мыслей меня вытащил голос мастера:

— Готовы? — голос мастера вырвал из мыслей.

— Да, — выдохнула я и зажмурилась. Кресло повернулось, остановилось. Я не открывала глаза, чувствуя, как внутри покалывает миллион иголок предвкушения.

Когда терпеть стало невозможно, распахнула веки.

Из зеркала на меня смотрела она. Красивая, дерзкая, чужая и одновременно — я. Волосы до плеч — красные, сиреневые, в стильном беспорядке. Глаза подведены так, что светятся. Губы сочные. Лицо чёткое.

Я долго рассматривала отражение, привыкая. Она — это теперь я. Та, что обрела гармонию. Заполнила пустоту. Готовая сворачивать горы. Не согласная на «тихое болото» — жаждущая штормов.

Я вышла из салона и пошла пешком. Плечи расправились сами, подбородок взлетел. Я не шла — я несла себя! Прохожие оборачивались, парни улыбались, девушки косились с завистью.

Заглядывала в каждую витрину, в каждое стекло — ловила своё отражение. Моё преображение.

Я чувствовала себя сгустком энергии, сжатой пружиной, ракетой на старте. Кто бы мог подумать, что простой поход в парикмахерскую даст такой эффект?

Саша застыл на пороге, глядя на меня как на метеорит,

только что упавший к его ногам. Открыл рот — звука не вышло. Потом шагнул, обнял и поцеловал. Крепко, но нежно.

— Ну вообще! — выдохнул он.

— Нравится? — я скинула кроссовки и покосилась в зеркало. Помаду размазал, чёрт.

— Наверно, — протянул он, ходя вокруг меня и осматривая, как музейный экспонат. — Но мне надо к тебе такой привыкнуть. Ты как будто немного чужая. Как будто ты и не ты одновременно. Предлагаю на ужин по бокалу вина в честь такого события!

— А давай!

На кухне было уютно до невозможности: закатное солнце красило стены в оранжевый, мы резали салат, болтали о ерунде, мясо шкворчало на сковороде. Я впитывала этот момент всеми порами: прохладу тарелки, запах чеснока, тепло его плеча рядом.

Сейчас, оглядываясь, понимаю: это был последний идеальный вечер. Теперь всегда, всегда на сердце будет червоточина, которая не даст снова этого ощущения абсолюта.

— За новую Женю! — поднял бокал Саша.

— За новых нас! — подхватила я, чокнулась с ним и выпила, а муж как будто немного завис — словно споткнулся об это моё «новые мы». Слово эти «новые мы» были ему как-то непонятны, неудобны.

— Ты мне предлагаешь тоже экстремально покрасить шелюру? — спросил он, отхлебнув немного вина.

— Ну не обязательно. Просто мне кажется, что я на какой-то новой ступени, новом этапе. И теперь ощущение, что и всё вокруг должно меняться, завертеться быстрее.

— Даже не знаю, как тебя тут поддержать, — посмеялся он. — Мне кажется, к экспериментам с внешностью я не готов, а что еще менять, даже не знаю. У нас вроде и так всё идеально, разве нет?

— Да, конечно, — излишне поспешно выпалила я, — просто чувство такое, что теперь мне нужно больше воздуха, больше объема, больше скорости. Понимаешь?

— Понимаю. Ты теперь наверно перестанешь хватать меня за коленку, когда я на трассе разгоняюсь больше ста километров в час?

— Ну Саша, ну я серьезно! Опять твои шуточки, — я картинно закатила глаза.

— Все, все, больше не буду. Интересно, а как на твои перемены отреагирует Эбола? — в этот момент на кухню вразвалочку зашел заспанный Кокос и замер, увидев меня, с выражением недоумения на морде. — Ха-ха, вот наверно также примерно, как кот сейчас.

Мы представили Элину Борисовну с такой же физиономией и засмеялись. Кот тем временем опасливо приближался к моему стулу, принюхивался: хозяйка или нет?

— Ох, вот в этом вопросе я хочу быть Скарлетт ОХара и подумать об этом завтра. Даже представить страшно, как она будет орать про светлый образ педагога и брызгать по

обыкновенною слюной, — передернулась я.

Примерив образ главной героини романа Маргарет Митчел, я действительно в тот день больше не вспоминала, что на завтра предстоял разговор с «шефом в юбке», как называют Элину Борисовну некоторые наши училки.

Этот вечер был посвящен другому: наслаждению гармонией и уютом нашего дома, приятным разговорам ни о чем и мужу, который завершил этот день фразой «Хм, девушки с красными волосами у меня еще не было».

— так опустить светлый образ педагога!!! — голос бил по перепонкам, а на плечо упала частичка влаги изо рта директрисы. Этот рот уже минут десять орал на громкости не меньше ста децибел, показывая неодобрение его хозяйкой моего нового образа.

— Да, Элина Борисовна, — в двадцатый раз произнесла я, еще ниже склонив свою покаянную голову.

Конечно, у меня не было иллюзий, что советской закалки женщина оценит красно-фиолетовые волосы и макияж. Но настолько бурной реакции я не ожидала. Видимо, не вовремя я ей на глаза попалась: или из администрации очередной «безумный запрос» пришел, или кто из детей снова «влип в историю».

— чтобы дети посмотрели и завтра тоже с синими волосами пришли?...

Вызвала меня Эбола еще до первого урока. Я подумала,

что кто-то из заклятых подружек-коллег уже с самого утра успел доложить о переменах в моей внешности. Но при моем появлении в кабинете на лице начальницы образовалось выражение настолько неподдельного изумления, что я сразу поняла: звала она меня по другому поводу, пока мне неизвестному.

— выслушивать от родителей, что их детей учит непотребного вида

И вот теперь я стояла под шквалом мельчайших, но от этого не менее отвратительных брызг и гадала, зачем же я ей изначально понадобилась. Владение высокопарной лексикой у Элины Борисовы было завидное, словарный запас – феноменальный: она в анамнезе учитель русского языка и литературы. Поэтому я понимала, что ответа на свой вопрос мне ждать еще долго – пока не закончатся все эпитеты и метафоры, которыми только можно охарактеризовать мой ужасный поступок.

— незамедлительно привести в божеский вид

Спорить и что-то доказывать сейчас было бы стратегической ошибкой. Нужно дать ей возможность выдохнуться. Поэтому сначала я пыталась сосчитать квадратные стикеры с задачами, которые хороводом окружили монитор директора. Потом подумала, что угол наклона моей головы так получается недостаточно покаянным, и стала разглядывать собственную обувь.

— А ведь я тебя для такого радостного дела к себе позва-

ла! — мой взгляд при этих словах резко оторвался от тувель и уставился прямо в лоб Элине Борисовне. В глаза ей я пока смотреть не могла.

— Правда? А для какого? — проблеяла я как можно жалобнее.

— А вот не скажу теперь, пока волосы обратно не пере-
красишь!

— Элина Борисовна, я этого сделать не смогу в ближай-
шее время, — произнесла я, решив, что противник близок к
истощению, и можно переходить к конструктиву.

— Это почему?? — хотела взорваться она снова, но воз-
раст был уже не тот, чтобы так долго эмоционировать. Так-
тика сработала: я измотала оппонента настолько, что у него
не было сил продолжать борьбу.

— Потому что воздействие на волосы реагентов было та-
ким сильным, что теперь в ближайшие несколько месяцев их
вообще нельзя трогать, а то отвалятся. Спросите Надежду
Алексеевну, — упомянула я нашу химичку, которую Эбола
очень уважала. — А мне кажется, лысая учительница не по-
нравится родителям еще больше, чем цветноволосяя.

Я несла эту чушь с абсолютно серьезным и немного сочув-
ствующим видом. Элина Борисовна попыталась взорваться
еще раз, но потерпела полное фиаско. Рухнула в кресло, при-
крыла глаза и совершенно умиротворенным голосом сказа-
ла:

— А ты вообще-то конкурс выиграла.

Повисла тишина. Сначала я даже не поняла, о чем она: события прошлого учебного года, связанные с конкурсом педагогов, совершенно забылись и выпали из фокуса. Майский этап – окружной – был четыре месяца назад. Результаты его должны были дать ответ на вопрос, вышла ли я во Всероссийский финал и поеду ли в Москву.

Москва

Слово отозвалось внутри каким-то новым, щекочущим эхом.

— Ого, — только и выдохнула я

— А где же радость? Где же «спасибо, Элина Борисовна»? – противно просюсюкала она.

— Спасибо вам огромное, Элина Борисовна, — пришла я в себя и даже подошла к ней, чтобы обнять. Не смогла остановить себя от того, чтобы представить, как в этот момент капельки ее слюны, оставшиеся на моем платье, вернулись к хозяйке и теперь обосновались на ее блузке.

После этого мне стало как-то спокойно и хорошо. Наверное, впервые я вышла из кабинета директора с чувством, что не просто выжила, а выиграла.

Только оказавшись в коридоре, я поняла, что не узнала никаких подробностей о том, что следует за победой в окружном этапе. Подписать какие-то документы? Подготовить очередное задание для финала? Оформить командировку в Москву?

В груди качнулся маятник. Москва Нет, не думать. Я те-

перь новая, яркая. Взглянула в зеркало — удовлетворение разлилось по телу. Никакие стимуляторы больше не нужны. Я справлюсь.

Подробности о конкурсе я узнала только через два дня — Элина Борисовна всё это время была занята и не могла выкроить даже десяти минут.

Финал — восьмого ноября, чуть больше месяца. Где — обещали сообщить позже. И тут же, без спроса, в голову влезло: «Дом знаний». Сердце сжалось, но я одёрнула себя. Пережиток прошлого. Выкинуть.

В финале — фрагмент урока. Это я умею. Но материалы нельзя повторять — значит, надо придумывать новое. Я даже обрадовалась: люблю возиться с необычными занятиями.

А вот тестирование... Новая фишка организаторов. Коротко они его описали так: кейсы, ситуации со сложными учениками, этические дилеммы, каверзные темы. Нужно выбрать вариант решения — тот, который отражает твои ценности и взгляды.

Ну, где наша не пропадала. Я сейчас чувствовала в себе столько энергии, столько куража, что любую проблему воспринимала как вызов. А задачка со звёздочкой — ещё интереснее.

Я взялась за подготовку сразу: задерживалась в школе, вечерами сидела с ноутбуком. В пятницу вместо встречи с Ариной корпела над уроком. Честно? Мне и не хотелось её

видеть. Боялась вопроса, который она обязательно задаст. Обещание выйти из игры я выполнила, но эти мысли лучше не будить. Как в детстве: знаешь, что под кроватью монстра нет, но всё равно боишься заглянуть туда в темноте.

Саша искренне радовался за меня и ни разу не упрекнул, что я пропадаю на работе или зависаю вечерами с ноутбуком. Он всегда был таким — понимающим. Милым. Моим.

1 апреля 2025, 08:44. Саша

Саша прошёл в спальню. Вдохнул — её запах ещё держался на подушке. Открыл шифоньер, провёл ладонью по её вещам: шёлк, хлопок, джинса. Что-то щёлкнуло и упало. Он нагнулся. Сим-карта — узнаваемые цвета мобильного оператора.

Подержал на ладони, взвесил. Положил обратно на джинсы, аккуратно, как чужое. Закрыв шкаф. Замер. Потом открыл снова — проверить, не приснилось ли.

Зашел в ванную. Водил взглядом по полкам, по баночкам, по тюбикам. Не понял, пропало ли что-то. Вернулся в зал.

Долго смотрел на свой телефон. Взял его, нажал несколько кнопок, поднес к уху.

— Серега, привет, - произнес Саша сиплым голосом. — Я что-то сегодня приболел. Горло саднит, температура небольшая, - помолчал, покивал головой, словно собеседник мог его видеть. — Ага, спасибо. Надеюсь, завтра буду в строю.

Саша отключил звонок, положил телефон. Огляделся.

На подоконнике — ноутбук. Он взял его, поставил на стол, занес палец над кнопкой — и замер. Секунда. Две. Скула дернулась. Он сжал кулак и ударил по клавиатуре.

Встал и, ероша волосы, стал мерить комнату шагами.

Взял телефон. Набрал жену. «Абонент недоступен». Бросил на диван.

Подошел к ноутбуку, сел, нажал на кнопку. Через несколько секунд монитор ожил и началась загрузка системы.

Саша встал, налил воды в чайник. Когда вернулся, на мониторе был рабочий стол. Заставка — они с Женей на свадьбе. Улыбающиеся, красивые. Полгода назад.

Он замер. Потом снова сел, начал изучать иконки на экране.

Женя пользовалась двумя мессенджерами. Значок одного из них Саша, обнаружив, нажал.

— Чат класса, чат с директором, ученики — все не то, — бормотал Саша себе под нос. — Значит, сентябрь.

Он листал список диалогов вниз, до сентября.

— И тут ничего Значит, поищем вот здесь

Саша набрал в поиске чат с избранными сообщениями. Женя всегда туда что-то скидывала. Саша, не глядя, начал быстро листать вверх этот диалог его жены с самой собой. Нашел самое начало сентября.

Фото с линейки, ссылки, смешное видео, которое она ему кидала.

Потом — стоп.

С экрана смотрел парень. Молодой, энергичный. Саша не узнал — догадался. Женя когда-то показывала эти фото. Из юности.

Дата отправки: 12 сентября.

17 октября 2024. Женя

Неделя, другая. Воодушевление угасло: урок, кейсы, рутина. Отражение в зеркале привыкло к себе. Краска смылась с волос — надо бы обновить, да всё не до того. Каждое движение — усилие, я тащила за собой остывшее тело.

И тут — командировка Саши. Завод на краю земли, название не выговорить. Он ещё был дома, а у меня на душе уже скребли кошки. Я чувствовала: сейчас нельзя ему уезжать. Ничем хорошим это не кончится.

Если осознавать свое состояние я еще иногда могла, то управлять им — нет. А как иначе объяснить череду безрассудных поступков, за которые очень дорого заплатила впоследствии?

— Неужели целую неделю не увидимся? — я слонялась по квартире, пока Саша паковал чемодан.

— Ты чего так раскисла? Время пролетит — не заметишь. — Он замотал зубную щётку в пакет. — Будешь гулять, ловить взгляды на свои красные волосы. Ты же кайфуешь от этого.

— Да это понятно. Просто грустно как-то, — опустила я глаза и прислонилась к косяку в прихожей. Муж обувался.

— Не грусти, а то сама знаешь, что перестанет расти. Пиши мне почаще, если совсем будет скучно. Ну всё, — сказал он и театрально сел на чемодан. Не то, чтобы он верил в эту

примету, просто такой у него был ритуал.

Мы поцеловались — слишком долго для прощального жеста. Саша открыл дверь, и в квартиру ворвался холодный вихрь. Страницы книг в прихожей зашелестели.

— Ничего себе сквозняк, — он вытащил чемодан. — Семнадцатое октября, а окна нараспашку. Не простудись без меня. Пока!

— Пока, — одними губами ответила я и, закрыв за ним дверь, поплелась на кухню. Что еще делать, когда осталась на неделю вдвоем с котом — только пить чай и наблюдать с высоты шестнадцатого этажа, как вечереет и замедляется город: люди с работы идут уставшие — намного медленнее, чем с утра. Машины в пробке едут лениво и уже не сигналият так оголтело, как во время рабочего дня. Торопиться некуда.

Вечер воскресенья, Саша уехал три дня назад. Я шестой час подряд сидела в позе криветки за ноутбуком, внося последние корректировки в план урока. Его, с полным методическим описанием и обоснованием, нужно было представить комиссии не позднее, чем за неделю до очного финала.

Все части тела затекли, как будто я ими не двигала лет пять. Я встала, чтобы размяться, и попросила Алису включить музыку — танцевать лучше, чем просто делать зарядку.

Заиграла знакомая мелодия.

Вспышка.

— Сделай громче, — прошу я, высовываясь чуть не до

пояса из окна машины. На улице июль 2014 года, Андрей катает меня по городу.

Он крутит ручку громкости, и мы начинаем вместе подпевать:

— Tonight

We are young

So lets set the world on fire

We can burn brighter than the sun.

Вспышка.

Алиса продолжала играть песню «We are young» — до боли знакомую, до мурашек откликающуюся. Песня моего лета 2014. Того самого, десять лет назад. Она часто играла у Андрея в машине — очень ему нравилась. А иногда, когда мы гуляли, он включал ее на телефоне и давал мне один наушник. Мы шли, бесшумно и нарочито активно вторя словам, и наши губы делали в пространстве одинаковые фигуры, как будто были дуэтом синхронисток.

Против моего желания перед глазами проносились картинки десятилетней давности. Те самые, что в прошлый раз вынудили меня создать страницу Танечки Лебедевой.

Я вдруг захотела перечитать переписку. Не писать — просто снова поймать ту эмоцию, которая жгла тогда.

Пальцы не слушались, пароль получился только с третьего раза. На странице — ничего нового. Только старый диалог.

Сообщений было немного, но читала я их полчаса. Растягивала удовольствие.

А потом подумала: а вдруг, не продолжив эту авантюру, я лишаю себя того, что должно случиться?

Сердце колотилось, руки дрожали — но не от страха. Энергия вибрировала внутри и рвалась наружу. Прямо в пальцы, в клавиатуру. Слова вылетали со скоростью звука, сплетаясь в предложения.

На мгновение я почувствовала себя наблюдателем: словно не я печатаю все эти строки, а кто-то управляет моими пальцами. Не в моей голове рождаются фразы, а возникают из невесомого эфира.

На экране создания заметок появилось:

«Уже почти нажала "удалить страницу". Но пришла мысль: не собираешься ли ты в ближайшее или не очень время оказаться в нижней левой части нашей страны? Можете открывать новый центр в каком-нибудь из южных городов или в свой родной город приедешь?»

«Всё во мне противится недосказанности и незавершенности...»

Я чувствовала на уровне подсознания: единственное, что сейчас нельзя делать ни в коем случае — это включать голову. Просто дать пальцам завершить этот замысловатый танец, искусно исполняемый на паркете под названием «экран телефона». Текст словно сам собой переплыл из заметок в окно сообщения и с такой же легкостью улетел в сеть.

Внутренняя пружина, сжимавшаяся неделями, вдруг распрямилась. В момент отправки — крещендо!

Я бросилась в ванную, сунула лицо под холодную воду. Щёки горели, вода делала их ещё горячее. Я поливала волосы, футболка промокла, капли стекали по спине.

Мокрое тело — единственное, что привязывало к реальности.

Немного придя в себя, я снова взяла в руки телефон и не поверила наличию нового сообщения. Обычно небыстрый в реакции, на этот раз Андрей ответил буквально через несколько минут.

«Ты мудрая. Правильно сделала. Ощущение такое действительно есть. В планах Краснодар, Грозный, Ставрополь.»

Казалось, несколько минут назад я уже выстрелила всеми своими эмоциями и была опустошена, но нет: в груди вновь пульсировало, а на лице нарисовалась дурацкая улыбка — я мудрая! Я рухнула на диван и, как часто делаю в мгновения переполняющего восторга, свернулась в комок, напрягая несколько секунд все-все мышцы тела и лица. Затем, отпустив таким образом напряжение, вскочила и, не разбирая, что там играет, стала танцевать. Ну, как танцевать Наверно, что-то подобное исполняли жрецы вокруг жертвенного костра после хорошей охоты.

Сейчас сложно сказать, что именно меня тогда привело в такой экстаз: что он меня назвал мудрой, что ответил так быстро, что сообщение было доброжелательным или что я добила своего — вновь вывести его на диалог! — хотя ниче-

го не предвещало такого исхода. Андрей даже в юности был очень последовательным, и если решил что-то – например, прекратить общение с некоей таинственной дамой, то делал это окончательно и бесповоротно.

Так, подумала я, раз тактика «махать у него перед носом морковкой возможной встречи, при этом пытаясь вывести на более глубокое общение» сработала снова, ее и будем придерживаться. Шахматная королева снова вошла в игру, и это чувство предвкушения новой партии обожгло мне лицо. Дыхание выровнялось – не гоже царственной особе скакать с высунутым языком, как бодрый щенок.

«Города прекрасные. Если сойдутся звёзды и наши графики, возможно, нас ожидает приятная прогулка по одному из них. Когда планируются твои поездки?»

Пусть пока так. Не буду форсировать события. Не буду ничего планировать наперед. Буду действовать по ситуации и получать удовольствие от игры, решила я.

Эх, если бы сейчас я могла себе той рассказать, какая причудливая, неожиданная и противоречивая это получится партия

Утром понедельника ответа всё ещё не было: первое, что я сделала после пробуждения, — конечно же, проверила сообщения.

Катая в голове мысли о том, как продолжится возрожденный из пепла диалог с Андреем, я дошла до школы и приго-

товилась к первому уроку у своего 8 «В». Поговорить в понедельник утром нужно было «о важном», но насколько же мое действительно «важное» сейчас отличалось от того, что нужно обсудить с классом!

На третьей перемене вызвала Эбола: решила проинспектировать, как идет подготовка к конкурсу и не планирую ли я опозорить всю нашу школу, город и регион на федеральном этапе.

Уверив ее, что не планирую, я задала вопрос, который со вчерашнего вечера висел большим воздушным шаром в моей голове:

— Элина Борисовна, а место проведения финала случайно не определилось? – произнесла я намного тише, чем говорила до этого. Ожидание, страх ответа, надежда – все сплелось в комок под ложечкой.

— Да, оргкомитет конкурса написал официальное письмо. На прошлой неделе еще пришло, забыла сказать тебе. Не помню, что там. Сейчас поищу, подожди.

Я зажмурилась. Даже думать боялась, что могу сейчас услышать «в Доме знаний». Слишком тогда моя история станет похожа на бульварный роман. Слишком много совпадений.

Открыв глаза, я увидела, как директриса медленно, очень медленно перемещает мышку. Атмосфера была как на телешоу, когда ведущий объявляет «И победителем становится», начинает играть нагнетающая музыка, в кадре по очере-

ди появляются сосредоточенные лица возможных победителей в жестких лучах цветных прожекторов

— Вот, нашла. Финал будет в Московском «Доме знаний».

В ушах загудело. Воздух резко кончился. Легкие сжались. Секунды шли.

— Это который на станции «Динамо», — пояснила Эбола, приняв моё молчание за незнание.

— Угу, — выдавила я и даже смогла кивнуть. — Спасибо вам.

Воображаемый ведущий уже закончил фразу «становится Евгения!», а я всё никак не могла издать ни одного звука, стоя как истукан.

— Да ладно, не переживай, — снова промахнулась Элина Борисовна. — Ты умная девочка, все получится у тебя на конкурсе.

— Угу, — выдавила себя я и даже смогла немного кивнуть головой. — Спасибо вам.

Собрав в кулак всё, что могло мне сейчас помочь выйти из кабинета, я сделала шаг, еще один. Сзади донеслось:

— Ты когда волосы перекрасишь обратно? А то с такой шевелюрой на порог конкурса не пустят! — беззлобно, почти по-матерински спросила Элина Борисовна, когда я уже почти совершила подвиг выхода за дверь.

— Я работаю над этим, — отстраненно лягнула я первое, что пришло в голову и наконец-то завершила этот мно-

гострадальный маневр.

Вдохнув спасительный запах пыльного коридора, я издала нервный смешок и почувствовала привкус крови во рту.

Чушь какая-то. Дешевая драма, как в бразильском мыле – вангую, скоро из-за угла появятся разлученные в детстве близнецы.

На деревянных ногах я брела в убежище своего кабинета. Клекие комки в голове пытались превратиться в мысли.

Через три недели я буду там, в «Доме знаний» — родилась наконец-то первая из них.

В свете новых событий желание увидеть новое сообщение для Татьяны Лебедевой обострилось до предела. Наступил вечер. Губы к тому времени успели немного зажить. Вероятность скорой встречи с Андреем, как пересаженный донорский орган, начала понемногу приживаться в моей голове.

Жаль, что не на дорогой красной машине к «Дома знаний» подъеду, да и он вряд ли будет ждать там автобус на остановке под дождем. Но все равно будет чем блеснуть!

Я умылась и валялась в кровати. Делилась с Сашей впечатлениями об уходящем дне, отгоняя липкое чувство стыда: ведь главным впечатлением я поделиться не могла. Муж писал, что соскучился и что послезавтра вечером выдвигается в обратный путь. Приедет домой в четверг утром. Еще три дня беспрепятственного общения, получается.

В спальню вразвалку зашел объевшийся довольный кот и,

мякнув, взгромоздился на Сашину подушку и положил на меня лапу. Мол, хочешь, скрашу твоё одиночество, хозяйка.

Я погладила его по мягкой шерстке и, пожелав мужу электронное «спокойной ночи», решила проверить сообщения в ВК. Вдруг Андрей поделился своим планом поездок, и восьмое ноября в нём не значится?

Был ответ!

«Пока не знаю. Но сейчас по осени везде красиво и хочется больше гулять. Всё стреляет разными красками. А в Москве дожди, особо и не побродишь. Работа, квартира, спорт. А ну вот ещё фотографии забрал из проявки. Это с дня города в Москве.»

К сообщению было приложено несколько картинок, на которых были запечатлены полароидные снимки. Такие могут вывалиться наружу, когда достаешь с полки старый бабушкин фотоальбом: припудренные временем карточки оттенка сепии, на которых запечатлены разные люди, не знакомые, но почему-то интересные фотографу.

Со мной случился ступор, потому что мне было непонятно тут всё, совершенно всё. В душе боролись смятение и настороженная радость, в мозгу многочисленные вопросы перебивали друг друга, вырастая как грибы.

Откуда это все? Неужели это мне, или он ошибся диалогом? С чего вдруг в одном сообщении больше важного и личного, чем во всех предыдущих? Это «единоразовая акция» и больше мне не светит такой глубины в его ответах? Почему

прислал фотографии? Будет ли в Москве через три недели?

Весь этот рой жужжал в моей голове. Только я пробовала уцепиться за один вопрос – на его место уже лез следующий.

Первой ясной мыслью было вот что: Андрея можно вывести на темы, которые мне интересны. Быть может, даже когда-то получится выяснить причины его теперешнего одиночества.

Однако возможно, что это просто сейчас у него такое настроение: полночь, осень, пустая постель – вот и потянуло на углубление диалога с незнакомкой, показавшейся интересной в общении.

А если так, нужно этим пользоваться здесь и сейчас, развивать тему. Может, даже добавить нотку пикантности. Подумав пару минут, я начала набирать сообщение.

«Фото волшебные! Обожаю живые снимки. У тебя талант к репортажной съёмке.»

Знаешь, как начинаются для меня холода каждый год? Далее будет девчоночье, предупреждаю. Надеваю, значит, первый раз после лета чулки (ну или колготки). Выхожу на улицу, а там, кажется, холод такой, что единственная мысль, которая прилипает к мозгу: господи, как же я зимой-то в них хожу?? А потом ничего, потихоньку привыкаешь. Человек вообще ко всему привыкает. Даже к тому, чтобы промозглым осенним утром просыпаться в одиночестве, хотя так хочется с кем-то нужным. Греться, пить чай и мечтать, чтоб скорей наступила весна.»

Удовлетворенно хмыкнув, я отправила этот текст. Да, довольно провокационно получилось, но зато так я могу прощупать почву — насколько он готов говорить о личном. Вопрос о восьмом ноября решила не форсировать: «пока не знаю» не располагает к дальнейшим расспросам.

В следующие три дня я утонула в переписке Тани Лебедевой с Андреем. А где-то на периферии, тихим фоном, шла моя обычная жизнь: уроки, звонки скучающему Саше, омлеты и пустые коробки из-под молока в холодильнике. Теперь их можно было оставлять безнаказанно — некому пилить.

«Моё утро начинается почти так же. Открываешь дверь — снизу, сверху, спереди в глаза смотрит осень. Птицами, небом, рыжими пулями желтизны.»

Как непохоже на себя он написал — так поэтично. Неужели изменился? Или это сигнал: он готов открыться, если и я приоткроюсь?

Значит, нужна легенда: почему красивая, умная, интересная — и одна? Как бы сложилась моя жизнь без Саши? Что привело бы меня к одиночеству в двадцать семь?

«Да уж, пули эти никого не щадят и пробивают щит, которым так старательно укрываешься от осенней хандры.»

Знаешь, я очень долго ждала одного человека, хотя это было так глупо, так самонадеянно. Тешила себя надеждами на совместное будущее, которое было нужно только мне одной. И всегда все недоумевали, почему такая девушка од-

на. А когда излечилась, оказалось так тяжело начинать все с чистого листа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.